

Мэри Поппинс

Глава первая. Восточный ветер

Если ты хочешь отыскать Вишнёвый переулочек, просто-напросто спроси у полисмена на перекрёстке. Он слегка сдвинет каску набок, задумчиво почешет в затылке, а потом вытянет палец своей ручищи в белой перчатке:

—Направо, потом налево, потом опять сразу направо — вот ты и там! Счастливого пути!

И будь уверен, если ты ничего не перепутаешь, ты окажешься там — в самой середине Вишнёвого переулка: по одной стороне идут дома, по другой — тянется парк, а посередине ведут свой хоровод вишнёвые деревья.

А если ты ищешь Дом Номер Семнадцать — а скорее всего, так и будет, потому что ведь эта книжка как раз про этот дом,— ты его сразу найдёшь. Во-первых, это самый маленький домик во всём переулке. Кроме того, это единственный дом, который порядком облез и явно нуждается в покраске. Дело в том, что его нынешний хозяин, мистер Бэнкс, сказал своей жене, миссис Бэнкс:

—Выбирай, дорогая, одно из двух: или чистенький, хорошенький, новенький домик, или четверо детей. Обеспечить тебе и то и другое я не могу. Не в состоянии.

И, хорошенько обдумав его предложение, миссис Бэнкс пришла к выводу, что пусть уж лучше у неё будет Джейн (старшая) и Майкл (младший) и Джон с Барбарой (они близнецы и самые-самые младшие).

Вот так всё и решилось, и вот почему семейство Бэнксов поселилось в Доме Номер Семнадцать, а с ними — миссис Брилл, которая для них готовила, и Элин, которая накрывала на стол, и Робертсон Эй, который стриг газон и чистил ножи и ботинки и — как не уставал повторять мистер Бэнкс — «зря тратил своё время и мои деньги».

И, конечно, там была ещё няня Кэти, которая, по правде говоря, не заслуживает того, чтобы о ней писали в этой книжке, потому что в то время, когда начался наш рассказ, она уже ушла из Дома Номер Семнадцать.

— Не сказав ни здрассте, ни до свиданья! — как выразилась миссис Бэнкс. — Без предупреждения! А что мне делать?

— Дать объявление, дорогая, — ответил мистер Бэнкс, натягивая ботинок. — И я бы не возражал, если бы Робертсон Эй тоже ушёл, потому что он опять почистил один ботинок, а к другому не прикоснулся. Люди могут подумать, что я очень односторонний человек!

— Это совершенно неважно, — сказала миссис Бэнкс. — Ты так и не сказал, что мне делать с няней Кэти.

— Не знаю, что ты с ней можешь делать, поскольку её здесь нет, — возразил мистер Бэнкс. — Но на её месте — я хочу сказать, на твоём месте — я послал бы кого-нибудь в «Утреннюю газету» дать объявление, что ДЖЕЙН, И МАЙКЛ, И ДЖОН, И БАРБАРА БЭНКС (НЕ ГОВОРЯ УЖЕ ОБ ИХ МАМЕ) НУЖДАЮТСЯ В САМОЙ ЛУЧШЕЙ НЯНЬКЕ С САМЫМ МАЛЕНЬКИМ ЖАЛОВАНЫЕМ, И НЕМЕДЛЕННО! А потом я бы сидел и любовался, как няньки выстраиваются в очередь у нашей калитки, и я бы очень рассердился на них за то, что они задерживают уличное движение и создают пробку, так что мне приходится дать полисмену шиллинг за труды. А теперь мне пора бежать. Бр-р, как холодно! Как на Северном полюсе! Откуда ветер дует?

С этими словами мистер Бэнкс высунул голову, в окно и посмотрел в сторону дома Адмирала Бума. Адмиральский дом стоял на углу. Это был самый большой дом в переулке, и весь переулок очень гордился им, потому что он выглядел точь-в-точь как корабль. Даже в палисаднике стояла мачта с флагом, а на крыше был позолоченный флюгер в виде подзорной трубы.

— Ага! — сказал мистер Бэнкс, поспешно убрав голову. — Адмиральский телескоп говорит, что ветер восточный. Я так и думал. То-то у меня кости ноют. Надо бы надеть два пальто.

И он рассеянно поцеловал жену в нос, помахал рукой детям и отправился в Сити.

Сити — это было такое место, куда мистер Бэнкс ходил каждый день — понятно, кроме воскресений и праздников,— и там он сидел с утра до вечера в большом кресле за большим столом и работал, или, как говорят у нас в Англии, делал деньги. И дети твёрдо, знали, что папа весь день без передышки трудится, вырезая шиллинги и пенсы и штампуя монетки в полкроны и трёхпенсовики. А по вечерам он приносил их домой в своём чёрном портфельчике. Иногда он давал монетку-другую Джейн и Майклу (в копилку), а уж если он не мог, то говорил: «Банк лопнул», и ребята понимали, что ничего не попишешь — значит, папа сегодня сделал слишком мало денег.

Ну вот, значит, мистер Бэнкс ушёл со своим чёрным портфелем, а миссис Бэнкс ушла в гостиную и сидела там весь день и писала в газеты просьбы прислать ей поскорей несколько няnek; а наверху, в детской, Джейн и Майкл глядели в окошко и старались угадать, кого же им пришлют. Они были рады, что няня Кэти ушла, потому что они её не очень любили. Она была старая и толстая, и от неё всегда неприятно пахло лекарствами. Кто бы ни пришёл, думали ребята, всё равно это будет лучше, чем няня Кэти, а может быть — и гораздо лучше.

Когда солнце уже собиралось закатиться за парк, пришли миссис Брилл и Элин — накормить старших ужином и выкупать Близнецов. А после ужина Джейн и Майкл опять уселись у окна, ожидая возвращения папы и слушая, как восточный ветер свистит в голых ветках вишен в переулке. Деревья так гнулись и вертелись под его порывами, что в сумерках могло показаться, будто они сошли с ума и стараются вырвать свои корни из земли.

—Вот он идёт!— вдруг сказал Майкл, показывая на тёмный силуэт, внезапно выросший перед калиткой.

Джейн вгляделась в темноту.

—Это не папа,— сказала она.— Это кто-то другой.

Тут силуэт, сгибаясь и пошатываясь под ударами ветра, открыл калитку, и дети увидели, что он принадлежит женщине. Одной рукой она придерживала шляпку, в другой тащила большую сумку.

И вдруг — Майкл и Джейн не поверили своим глазам,— едва женщина вошла в садик, она поднялась в воздух и полетела прямо к дому! Да, было похоже на то, что ветер сперва донёс её до калитки, подождал, пока она откроет, а потом принёс её прямо к парадной двери.

Весь дом так и задрожал, когда она приземлилась!

—Вот это да!— сказал Майкл.

—Пошли посмотрим, кто это!— сказала Джейн и, схватив Майкла за руку, потащила его через всю детскую на лестничную площадку — их любимый наблюдательный пункт, откуда было прекрасно видно всё, что происходит в прихожей.

И вот ребята увидели, что их мама выходит из гостиной, а незнакомка идёт за ней. Сверху были видны её гладкие, блестящие чёрные волосы. «Как у деревянной куклы»,— шепнула Джейн. Незнакомка была худая, с большими руками и ногами и довольно маленькими, пронзительными синими глазами.

—Вы увидите, они очень послушные ребятки,— говорила ей миссис Бэнкс.

Майкл сильно двинул Джейн локтем под ребро.

—С ними не будет никаких хлопот,— продолжала миссис Бэнкс не очень уверенно, поскольку она сама не слишком верила в то, что говорила.

Ребятам показалось, что гостя фыркнула, словно и она не очень поверила.

—Ну, а рекомендации?— продолжала миссис Бэнкс.

—У меня правило: никаких рекомендаций,— сказала незнакомка твёрдо.

Миссис Бэнкс остолбенела.

—Но, мне кажется, это принято,— сказала она.— Я имею в виду... Я хочу сказать — все люди так делают.

—Весьма старомодный обычай, по-моему!— отвечал суровый голос.— Весьма! Совершенно устарелый и несовременный!

Надо вам сказать, что миссис Бэнкс больше всего на свете боялась показаться старомодной и несовременной. Ужасно боялась. Поэтому она поспешно сказала:

—Тогда очень хорошо. Не будем говорить об этом. Я просто спросила на тот случай, если бы... ммм... если бы вы сами захотели. Детская наверху.

И она пошла вперёд, ни на минуту не переставая говорить. Потому-то она и не заметила того, что происходило за её спиной. Зато Джейн и Майкл, наблюдавшие с верхней площадки, превосходно видели, какую необыкновенную вещь сделала гостья.

Она поднялась следом за миссис Бэнкс, указывающей ей дорогу. Но как! Не выпуская из рук свою большую сумку, она просто-напросто села на перила... и... преспокойно въехала по ним на верхнюю площадку!

Джейн и Майкл прекрасно знали, что никто на свете этого сделать не может. Съехать по перилам вниз — пожалуйста, они сколько раз сами в этом упражнялись. Но въехать наверх?! Так не бывает!

Поражённые ребята уставились на посетительницу...

—Ну, значит, всё улажено,— сказала мама со вздохом облегчения.

—Почти. Если, конечно, меня это устроит,— ответила незнакомка, вытерев нос большим платком в крупный красный горошек.

—Вы здесь, дети?— сказала миссис Бэнкс, наконец заметившая ребят.— Что вы тут делаете? Это ваша новая няня, Мэри Поппинс. Джейн, Майкл, поздоровайтесь. А вот это,— она показала рукой на колыбельку, где спали малыши,— наши Близнецы.

Мэри Поппинс внимательно разглядывала ребят, всех по очереди, и как будто бы решала про себя, нравятся они ей или нет.

—Мы вам подходим?— сказал Майкл.

—Майкл, веди себя прилично!— сказала мама.

Мэри Поппинс невозмутимо продолжала испытующим взором разглядывать ребят. Наконец она громко засопела, что, как видно, свидетельствовало о том, что она приняла решение, и сказала:

—Я принимаю ваше предложение.

«И клянусь тебе всем на свете,— рассказывала потом миссис Бэнкс своему супругу,— можно было подумать, что она оказала нам особую честь!»

«А почему бы и нет?» — откликнулся мистер Бэнкс, на мгновение высунув нос из-за газеты и тут же спрятав его обратно.

Когда мать ушла, Джейн и Майкл бочком двинулись к Мэри Поппинс, которая продолжала стоять неподвижно, как столб, сложив руки на животе.

—Как вы пришли?— спросила Джейн.— Нам показалось, что вас принесло ветром.

—Так и есть,— ответила Мэри Поппинс. И она размотала шарф, сняла шляпу и повесила её на спинку кровати.

Казалось, Мэри Поппинс не собирается больше ни о чём говорить, поэтому и Джейн тоже помалкивала. Но, когда Мэри Поппинс наклонилась, собираясь распаковать свою сумку, Майкл не выдержал.

—Какая смешная сумка!— сказал он, потрогав её пальцем.

—Ковёр!— сказала Мэри Поппинс, вставляя ключ в замочек.

—Внутри ковёр?

—Нет! Снаружи!

—А-а!— сказал Майкл.— Понятно!— Хотя, по правде говоря, ему далеко не всё было понятно.

Тем временем коровая сумка была открыта и, к величайшему удивлению Майкла и Джейн, оказалась совершенно пустой.

—Вот так так!— сказала Джейн.— Там совсем ничего нет!

—Что значит — ничего нет?— спросила Мэри Поппинс, выпрямляясь с таким видом, словно её кровно обидели.— Ты сказала — ничего нет?

И с этими словами она достала из совершенно пустой сумки накрахмаленный белый фартук и надела его. Затем она вынула оттуда большой кусок туалетного мыла, зубную щётку, пакетик шпилек, флакон духов, складной стул и коробочку таблеток от кашля.

Джейн и Майкл вытаращили глаза.

—Я же сам видел!— прошептал Майкл.— Там совсем-совсем ничего не было!

—Ш-ш!— шепнула Джейн.

Мэри Поппинс достала из сумки большую бутылку с ярлыком: «Принимать по чайной ложке перед сном!»

—Это ваше лекарство?— спросил Майкл встревожено.

—Нет, твоё,— сказала Мэри Поппинс, сунув ему ложку под самый нос.

Майкл, как он ни был ошеломлён, сморщился и начал протестовать:

—Я не хочу! Мне не нужно! Я не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с него взгляда, и вдруг Майкл почувствовал, что невозможно смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться. Было в ней что-то странное и необыкновенное, от чего делалось и страшно, и весело!

Ложка придвинулась ещё ближе. Майкл сделал глубокий вздох, закрыл глаза и глотнул.

Блаженная улыбка расплылась по всей его мордашке. Восхитительно! Он проглотил лекарство и чмокнул языком.

—Клубничное мороженое!— сказал он в восторге.— Вот это да! Ещё, ещё, ещё!

Но Мэри Поппинс всё с тем же строгим выражением уже наливала новую порцию — для Джейн. Серебристая желтовато-зелёная жидкость наполнила ложку. Джейн снадобье тоже понравилось.

—Лимонный сок с сахаром,— сказала она и облизала губы. Но, увидев, что Мэри Поппинс направляется с бутылкой к Близнецам, она попыталась её остановить: — Пожалуйста, не надо! Они ещё маленькие! Им это вредно!

Однако на Мэри Поппинс это не произвело ни малейшего впечатления. Бросив предостерегающий, свирепый взгляд на Джейн, она поднесла ложку к губам Джона.

Он с жадностью проглотил питьё, пролив несколько капель на свой нагрудник, и Джейн и Майкл увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Потом получила свою порцию Барбара; она почмокала губами и облизала ложку два раза.

А затем Мэри Поппинс налила новую дозу и торжественно приняла её сама.

—Пунш с ромом,— сказала она, причмокнув, и заткнула бутылку пробкой.

У Майкла и Джейн глаза прямо-таки вылезли на лоб от изумления, но только им не пришлось долго удивляться, потому что Мэри Поппинс, поставив чудесную бутылку на каминную полку, обернулась к ним.

—А теперь,— сказала она,— марш в кровать!

И она помогла им раздеться, причём они заметили, что те же самые крючки и пуговицы, которые доставляли няне Кэти столько хлопот, у Мэри Поппинс расстёгивались сами, стоило ей на них взглянуть.

Не прошло и минуты, как ребята оказались в кроватях. При слабом свете ночника они продолжали наблюдать, как Мэри Поппинс разбирает остальные свои вещи.

Из ковровой сумки она достала: семь фланелевых ночных рубашек, четыре полотняных, пару туфель, коробку домино, две купальные шапочки, альбом с открытками и зонтик — зонтик с ручкой в виде головы попугая!

Наконец она вытащила из сумки кровать-раскладушку — уже застеленную, даже с покрывалом и пуховым одеялом — и поставила её между колыбельками Джона и Барбары.

Джейн и Майкл сидели в кроватях, обхватив колени руками, и только таращили глаза. Сказать они ничего не могли — оба были слишком потрясены. Но, конечно, оба они понимали, что в Доме Номер Семнадцать по Вишнёвому переулку происходит нечто поразительное и непостижимое.

А Мэри Поппинс, накинув на голову фланелевую ночную рубашку словно палатку, начала под ней раздеваться.

И тут Майкл, совершенно очарованный всем происшедшим, нарушил молчание.

—Мэри Поппинс!— воскликнул он.— Вы никогда от нас не уйдёте, правда?

Ответа из-под фланелевой палатки не последовало.

Встревоженный Майкл снова не выдержал.

—Вы от нас не уйдёте, правда?— повторил он.

Над ночной рубашкой вынырнула голова Мэри Поппинс. Вид у неё был очень свирепый.

—Ещё одно слово из этого района,— угрожающе проговорила она,— и я позову полисмена!

—Я же только хотел сказать,— начал Майкл растерянно,— что мы надеемся, что вы долго-долго будете с нами...

Он запнулся и замолчал, весь красный и сконфуженный. Мэри Поппинс молча переводила взгляд с него на Джейн и обратно. Потом она презрительно фыркнула.

—Останусь, пока ветер не переменится,— коротко сказала она, задула свечу и легла в постель.

—Тогда всё в порядке,— сказал Майкл наполовину про себя, наполовину обращаясь к Джейн.

Но Джейн его не слышала. Она думала обо всём, что произошло, и о том, что ещё теперь будет...

Вот так Мэри Поппинс поселилась в Доме Номер Семнадцать в Вишнёвом переулке. И хотя порой кое-кто вздыхал о тех, более обычных и спокойных днях, когда домом правила няня Кэти, всё же, в общем, все были рады появлению Мэри Поппинс. Мистер Бэнкс был рад потому, что она пришла сама и не задержала уличного движения и ему не пришлось давать шиллинг полисмену. Миссис Бэнкс была рада потому, что она теперь могла всем рассказывать, что у её детей няня настолько современная, что даже не признаёт рекомендаций. Миссис Брилл и Элин были рады, что они могут теперь распивать целыми днями в кухне крепкий чай и не обязаны возглавлять ужины в детской. Робертсон Эй был рад потому, что у Мэри Поппинс была только одна пара ботинок и она чистила её сама...

Но никто не знал, что думала об этом сама Мэри Поппинс, потому что Мэри Поппинс никогда никому ничего не рассказывала...

Глава вторая. Смешинка

—А он обязательно будет дома?— спросила Джейн, когда все трое — она сама, Майкл и Мэри Поппинс — вышли из автобуса.

—По-твоему, мой дядя пригласил бы нас к чаю, если бы сам собирался уходить? Интересно!— сказала Мэри Поппинс, явно оскорблённая этим предположением.

На ней было синее пальто с серебряными пуговицами и синяя шляпка в тон, а в те дни, когда она была так одета, обидеть её ничего не стоило.

Все трое направлялись в гости к дяде Мэри Поппинс, мистеру Паррику, и Джейн и Майкл так долго ждали этого дня, что они в душе дрожали — вдруг они не застанут мистера Паррика дома.

—А почему его зовут мистер Паррик — он ходит в парике?— спросил Майкл, поспевая вприпрыжку за Мэри Поппинс.

—Его зовут мистер Паррик потому, что его фамилия Паррик. Он не носит парика. Он лысый,— сказала Мэри Поппинс.— И если я услышу ещё один вопрос, мы сразу пойдём домой.

И она фыркнула. Она всегда фыркала, когда раздражалась.

Джейн и Майкл сердито переглянулись. Эти сердитые взгляды означали:

«Не смей её ни о чём спрашивать, а то мы никогда туда не попадём!»

Возле табачного магазина на углу Мэри Поппинс поправила свою шляпу. Бывают такие странные витрины: если в неё посмотришься, то из тебя почему-то получаются сразу три человека, а если ты смотришься в неё долго, тебе начинает казаться, что ты — это не ты, а целая толпа каких-то незнакомых людей. И в этом магазине как раз была такая. Но Мэри Поппинс даже вздохнула от удовольствия, увидев сразу трёх Мэри Поппинс, каждая — в синем пальто с серебряными пуговицами и в синей шляпке в тон пальто. Видно было, что она в восторге от этого зрелища и вовсе бы не возражала, если бы там было двенадцать, а то и тридцать Мэри Поппинс. Чем больше, тем лучше!

—Идёмте же,— наконец сказала она строго, как будто это они её задерживали.

Они повернули за угол и позвонили в дом номер три на улице Робертсона. Джейн и Майкл с замиранием сердца прислушивались к замирающему звонку. Неужели через минуту, в крайнем случае через две, они действительно будут впервые в жизни пить чай с дядей Мэри Поппинс, мистером Парриком?

—Конечно, если он дома,— шепнула Джейн Майклу. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге с довольно кислым видом появилась тощая женщина.

—Он дома?— выпалил Майкл.

—Будь так добр,— сказала Мэри Поппинс, бросив на него уничтожающий взгляд,— помолчи! Дай поговорить старшим!

—Здравствуйте, миссис Паррик,— сказала Джейн вежливо.

—Миссис Паррик!— воскликнула тощая дама голосом, который был ещё тоньше, чем она сама.— Как вы осмеливаетесь назвать меня миссис Паррик?! Нет уж, большое спасибо! Я просто мисс Персиммон и горжусь этим! Придумают тоже! Миссис Паррик!

Она, по-видимому, очень обиделась, и ребята невольно подумали, что мистер Паррик, видно, довольно-таки странный человек, если мисс Персиммон так рада, что она не миссис Паррик.

—Второй этаж, первая дверь на площадке,— сказала мисс Персиммон и умчалась по коридору, не переставая с возмущением восклицать тоненьким голоском: — Миссис Паррик! Ещё чего не хватало!

Джейн и Майкл поднялись за Мэри Поппинс по лестнице, Мэри Поппинс постучала в первую дверь.

—Входите! Входите! Милости просим!— откликнулся из-за двери весёлый громкий голос.

Сердце Джейн так и затрепыхалось от волнения.

«Он дома!» — взглядом крикнула она Майклу.

Мэри Поппинс открыла дверь и подтолкнула ребят вперёд. Они оказались в большой, светлой комнате, где ярко пылал камин и стоял огромный стол, накрытый к чаю: четыре чашки, молочники, горы бутербродов, печенье, плюшки и большой сливовый торт с розовой глазурью.

—Очень, очень рад вас видеть!— приветствовал их всё тот же громовой голос, и Джейн с Майклом оглянулись в поисках хозяина.

Его нигде не было видно. Комната казалась совершенно пустой.

Тут Мэри Поппинс недовольным тоном сказала:

—Дядя Альберт, неужели вы опять? Сегодня же не ваш день рождения, кажется!

Говоря это, она глядела на потолок. Джейн и Майкл тоже взглянули вверх и, к своему великому удивлению, увидели круглого, толстого лысого человечка, который висел в воздухе, ни за что не держась. Вернее, он как будто бы сидел на воздухе, положив ногу на ногу. Он только что выпустил из рук газету, которую, видимо, читал, когда гости вошли.

—Дорогая моя,— сказал мистер Паррик, улыбаясь ребятам сверху и виновато глядя на Мэри Поппинс,— я очень сожалею, но сегодня, увы, действительно мой день рождения.

—Ай-ай-ай!— сказала Мэри Поппинс, неодобрительно покачав головой.

—Я вспомнил об этом только вчера вечером, и было уже поздно послать вам открытку с просьбой прийти как-нибудь в другой раз. Ужасно неловко, правда?— сказал он, плутовато глядя на Джейн и Майкла.— Я вижу, вы чем-то удивлены,— продолжал мистер Паррик.

И действительно, ребята так разинули рты от изумления, что мистеру Паррику, будь он чуть-чуть поменьше, угрожала бы опасность быть проглоченным.

—Вероятно, мне лучше вам сразу всё объяснить,— продолжал мистер Паррик невозмутимо.— Дело в следующем. Я — человек очень весёлый и люблю посмеяться. Вы просто не поверите, сколько вещей на свете кажутся мне смешными. Я могу смеяться от чего и над чем угодно! Честное слово!

И тут мистер Паррик заколыхался в воздухе, от души расхохотавшись при мысли от собственной смешливости.

—Дядя Альберт!— сказала Мэри Поппинс, и мистер Паррик, вздрогнув, прекратил свой смех.

—Ой, извини, дорогая! Так на чём я остановился? Ах, да. Так вот, самое смешное то... хорошо, хорошо, Мэри, я постараюсь не смеяться... что, когда мой день рождения приходится на пятницу, я бываю в таком приподнятом настроении, что взлетаю. В буквальном смысле слова!— сказал мистер Паррик.

—Почему?..— начал Майкл.

—Как?..— начала Джейн.

—Понимаете ли, стоит мне в этот день засмеяться — мне обязательно попадает в рот смешинка, и я так наполняюсь веселящим газом, что просто не могу удержаться на земле. Не только засмеяться — мне достаточно просто улыбнуться. Подумаю о чём-нибудь смешном — и взлетаю, как воздушный шар. И, пока не подумаю о чём-нибудь очень, очень грустном, никак не могу опуститься!

При мысли об этом мистер Паррик опять захихикал, но, заметив выражение лица Мэри Поппинс, он подавил смех и продолжал:

—Признаюсь, это не совсем обычное свойство, но я не жалуясь. С вами этого, наверно, никогда не случилось?

Джейн и Майкл замотали головами.

—Так я и думал. Кажется, только у меня такая привычка. Забавно, правда? И надо же было, чтобы вы с Мэри пришли ко мне в гости именно в такой день! Пятница и день рождения! О господи, господи, не смешите меня, умоляю вас!..

Но, хотя Джейн и Майкл не делали ничего смешного — только смотрели на него в изумлении,— дядя Альберт опять громко захохотал. Он так раскачивался и подпрыгивал в воздухе, что ежеминутно рисковал потерять очки.

И у него был такой смешной вид, когда он кувыркался, словно воздушный шар в человеческом облике, хватаясь то за потолок, то за газовый рожок, что Джейн с Майклом, хотя они очень старались соблюсти приличие, просто ничего не могли с собой поделать. Они расхохотались. И ещё как! Напрасно ребята изо всех сил сжимали губы, чтобы не выпустить смех наружу. Это ничуть не помогало. И наконец они покатались по полу, стоная и визжа от смеха.

—Это ещё что такое?— сказала Мэри Поппинс.— Что это за поведение?

—Ой, не могу, не могу!— заливался Майкл — он уже подкатился к камину.— Ой, как смешно! Джейн, как смешно-о!

Джейн не успела ответить, как с ней произошла очень странная вещь. Она вдруг почувствовала, что от смеха она становится всё легче и легче, словно её

накачивают воздухом. Это было и странно, и приятно. И её всё больше разобрал смех. И вдруг — гоп! — она сильно подпрыгнула и взлетела.

Онемев от изумления, Майкл глядел, как она пролетает над ним... Вот она взлетела ещё выше и, слегка стукнувшись о потолок головой, оказалась возле дяди Альберта.

—Ну и ну!— сказал дядя Альберт с очень удивлённым видом.— Неужели у тебя сегодня тоже день рождения?

Джейн отрицательно покачала головой.

—Нет? Тогда, значит, и тебе попала в рот смешинка... Эй! Осторожнее! Фарфор! Фарфор!

Последние слова относились к Майклу, который тем временем тоже взлетел и понёсся по воздуху, заливаясь смехом. Он ловко миновал фарфоровые статуэтки на каминной полке и с размаху приземлился на правое колено дяди Альберта.

—Здравствуй!— сказал мистер Паррик, сердечно пожав Майклу руку.— Очень мило с твоей стороны, очень мило, клянусь! Ты решил подняться ко мне, раз уж я не могу спуститься, так?

Они с Майклом поглядели друг на друга и, откинув головы назад, расхохотались до слёз.

—Боюсь,— сказал мистер Паррик Джейн, вытерев глаза,— вы подумаете, что я совсем невоспитанный человек. Я сижу, а моя гостья стоит. Такая милая барышня — стоит! Увы, я не могу предложить вам стул, но надеюсь, вы, как и я, найдёте, что на воздухе очень удобно сидеть. Уверяю вас!

Джейн попробовала — и оказалось, что у неё это прекрасно получается. Она села, сняла шапочку, положила её рядом с собой — и шляпка повисла в воздухе без всякой опоры!

—Отлично!— сказал дядя Альберт.

Потом он повернулся и взглянул вниз, на Мэри Поппинс.

—Ну, Мэри, мы устроились. А что же ты? Ну, не хмурься, дорогая. Я вижу, ты не одобряешь... м-м-м-м... всё это. Но честное слово, милая, я никак не мог предполагать, что смешинки так заразительны. Честное слово, Мэри! Ты сердишься? Не надо! Я так рад, что ты пришла!

—Возмутительно!— строго сказала Мэри Поппинс.— Неслыханно! Тем более, в вашем возрасте, дядя!

—Мэри Поппинс, Мэри Поппинс, идите к нам сюда!— перебил её Майкл.— Подумайте о чём-нибудь смешном, и вы увидите, как это просто!

—И в самом деле, Мэри, пожалуйста!— настойчиво сказал мистер Паррик.

—Нам тут скучно без вас,— сказала Джейн и протянула руки к Мэри Поппинс.— Подумайте, пожалуйста, о чём-нибудь весёлом!

—Ах, ей это ни к чему!— сказал дядя Альберт со вздохом.— Она может взлететь, когда хочет, даже не засмеявшись, и она это прекрасно знает!

И он обменялся с Мэри, стоявшей на ковре, таинственным, загадочным взглядом...

—Ну,— сказала Мэри Поппинс,— всё это очень глупо и неприлично, но раз уж вы все оказались там и, по-видимому, неспособны опуститься, придётся мне, пожалуй, подняться к вам.

С этими словами, к великому удивлению Майкла и Джейн, она вытянула руки по бокам и, не засмеявшись — даже без тени улыбки на лице!— стрелой взлетела в воздух и уселась рядом с Джейн.

—Сколько раз,— сказала она ворчливо,— сколько раз, интересно, я тебе говорила, что надо снимать пальто, когдаходишь в тёплую комнату?

И она сняла с Джейн пальто и аккуратно положила его на воздух рядом со шляпой.

—Отлично, Мэри, отлично!— добродушно сказал мистер Паррик, нагибаясь и укладывая очки на каминную полку,— Ну вот, мы все уютно устроились.

—Уютно!— фыркнула Мэри Поппинс.

—И можем попить чайку,— продолжал мистер Паррик, видимо не слышавший её замечания. И вдруг на его лице появилось испуганное выражение.— Боже мой!— сказал он.— Какой ужас! Я только сейчас понял: ведь стол внизу, а мы наверху. Что же нам делать?! Мы тут, а он там! Это страшная трагедия, страшнейшая! Но, господи, до чего же это смешно!

И он, закрыв лицо платком, расхохотался во всё горло.

Джейн и Майкл, хотя им вовсе не улыбалась перспектива остаться без торта и печенья, тоже не могли не рассмеяться: такой заразительный смех был у дяди Альберта.

Мистер Паррик вытер глаза.

—Есть только одно средство помочь горю,— сказал он.— Надо упасть духом. Подумать о чём-нибудь печальном, грустном. И тогда мы сможем спуститься. Ну — раз, два, три! Что-нибудь очень-очень грустное, пожалуйста!

И они принялись думать, положив голову на руки.

Майкл думал про школу — думал о том, что ведь и ему когда-нибудь придётся туда пойти. Но даже и это его сегодня нисколько не пугало, а, наоборот, веселило.

Джейн думала:

«Пройдёт каких-нибудь четырнадцать лет, и я вырасту!» Но это было совсем не грустно, а, пожалуй, очень интересно и забавно. Она не могла не улыбнуться, представив себя взрослой, в длинном платье и с сумочкой.

—Взять, к примеру, мою бедную старую тётушку Эмили,— размышлял вслух дядя Альберт.— Она попала под автобус. Грустно. Очень грустно. Невыносимо грустно. Бедная старушка! Но зато её зонтик остался совершенно цел! Потешно, правда?

И, сам того не замечая, он уже трясся от смеха. Он фыркал и задыхался, вспоминая зонтик тётушки Эмили.

—Ничего не выйдет,— сказал он наконец, высморкавшись.— Я сдаюсь. И, кажется, моим юным друзьям тоже не удастся упасть духом. Мэри, может быть, ты что-нибудь сделаешь? Мы все очень хотим чаю!

До сего дня Джейн и Майкл не узнали, что и как сделала Мэри Поппинс. Но в одном они совершенно уверены: едва только дядя Альберт обратился к Мэри, стол покачнулся, потом он накренился, так что чашки и блюда забренчали, а печенье съехало с блюда на скатерть. И тут стол взмыл в воздух, пролетел через всю комнату и, сделав изящный поворот, встал так, что мистер Паррик оказался на председательском месте!

—Умница!— сказал дядя Альберт, с гордостью улыбаясь Мэри.— Я знал, что ты что-нибудь придумаешь! Ну, может быть, теперь ты займёшь место хозяйки и будешь разливать чай, Мэри? А гости пусть сядут поближе ко мне!

И вот наконец они все устроились в воздухе за аппетитно накрытым столом.

Мистер Паррик удовлетворённо улыбнулся.

—Принято, кажется, начинать с бутербродов,— сказал он Джейн и Майклу.— Но, поскольку сегодня мой день рождения, мы начнём не по правилам, и, по-моему, это будет правильно: мы начнём с торта!

И он отрезал каждому по большому куску. Некоторое время все молчали.

—Ещё чаю?— спросил хозяин у Джейн.

Но, прежде чем она успела ответить, кто-то забарабанил в дверь.

—Войдите!— отозвался мистер Паррик.

Дверь отворилась, и появилась мисс Персиммон с кувшином горячей воды на подносе.

—Я подумала, мистер Паррик,— начала она, обводя комнату взглядом,— я подумала, что, может быть, вам понадобится ещё кипяток. О боже, я ни в жизнь... Ни в жизнь...— залепетала она, увидев, как вся компания мирно распивает чай в воздухе.— Ни в жизнь я ничего подобного не видела! Мистер Паррик, извините, я

всегда знала, что вы немного странный! Но я всегда закрывала на это глаза, раз вы аккуратно платили за квартиру. Но такое поведение — нить чай с гостями в воздухе,— мистер Паррик, я поражена вашим поступком, сэр! Это так неприлично, и для джентльмена в вашем возрасте, я никогда, никогда...

—Ну, а вдруг, мисс Персиммон?— спросил Майкл.

—Что — вдруг?— высокомерно спросила мисс Персиммон.

—Вдруг и вы проглотите смешинку, как мы?— объяснил Майкл.

Мисс Персиммон гордо вздёрнула голову.

—Надеюсь, молодой человек,— возразила она,— я ещё не забыла, что такое самоуважение! Нет, сэр, я не стану болтаться в воздухе, как воздушный шар на верёвочке! Я предпочитаю стоять на собственных ногах, или я уже не Эми Персиммон... о боже мой, господи, МАМА! Что же это? Я не могу идти, я... я... Помогите, помогите!

Увы, ноги мисс Персиммон, совершенно против её воли, оторвались от пола, и она заковыляла по воздуху, переваливаясь с боку на бок, словно очень тоненький бочонок, с трудом балансируя своим подносом. Когда наконец она прибыла к столу и поставила на него кувшин с кипятком, бедняжка чуть не плакала.

—Благодарю вас,— сказала Мэри Поппинс спокойно и очень вежливо.

И мисс Персиммон повернулась и, пошатываясь, побрела по воздуху вниз, не переставая бормотать:

—Какой позор! Это я, такая воспитанная, степенная женщина! Надо пойти к доктору!

Едва коснувшись пола, она, ломая руки, опрометью кинулась бежать из комнаты и даже ни разу не оглянулась.

—Какой позор!— услышали они её стон, когда дверь за ней захлопнулась.

—Значит, теперь она не Эми Персиммон, раз она не устояла на своих ногах!— шепнула Джейн Майклу.

Мистер Паррик смотрел на Мэри Поппинс странным взглядом: наполовину укоризненно, наполовину одобчительно.

—Мэри, Мэри, ну зачем ты? Честное слово, напрасно! Бедняжка этого не переживёт! Но господи, до чего же потешный был у неё вид, когда она ковыляла по воздуху! Боже милостивый!

И все трое — старый джентльмен, а с ним Джейн и Майкл — снова покатались со смеху. Они хватались за бока и задыхались от хохота при мысли о том, как потешно выглядела мисс Персиммон.

—Ой, батюшки!— кричал Майкл.— Не смешите меня больше! Я не выдержу! Я лопну!

—Ой, ой, ой!— заливалась Джейн, хватаясь за сердце.

—О господи боже ты мой милостивый!— стонал мистер Паррик, вытирая слёзы полой пиджака, потому что он был не в состоянии найти свой носовой платок.

—Пора идти домой.

Голос Мэри Поппинс, словно трубный глас, заглушил общий хохот.

И в ту же секунду Джейн, и Майкл, и мистер Паррик внезапно спустились с небес на землю. Проще говоря, они шлёпнулись на пол — все трое. Да, мысль о том, что пора идти домой,— это была первая грустная мысль за весь день, и, как только она появилась, смешинка пропала...

Джейн и Майкл вздохнули, глядя, как Мэри Поппинс медленно спускается по воздуху с пальто и шляпой Джейн в руках.

Мистер Паррик тоже вздохнул. Это был тяжёлый, долгий, грустный вздох.

—Как жалко!— сказал он печально.— Ужасно жалко, что вы должны идти домой. Я никогда ещё так не веселился, а вы?

—Никогда!— уныло ответил Майкл. Ему было очень странно и грустно стоять опять на земле и не чувствовать внутри себя Волшебной Смешинки.

—Никогда-никогда!— как эхо, повторила Джейн, встав на цыпочки, чтобы поцеловать сморщенную, как печёное яблоко, щёку мистера Паррика.—
Никогда-никогда-никогда!

Они ехали домой в автобусе. Мэри Поппинс сидела посередине, ребята по бокам, оба очень тихие и задумчивые — они вспоминали этот чудесный день. Майкл спросил сонным голосом:

—А часто ваш дядя так?

—Что значит «так»?— сердито переспросила Мэри Поппинс.

—Ну, часто он летает по воздуху?— пояснил Майкл.

—Летает?— Мэри Поппинс повысила голос.— Летает? Будь любезен, объясни, что ты хочешь этим сказать?

Джейн попыталась помочь:

—Майкл хочет сказать: часто ваш дядя глотает смешинки и кувыркается под потолком, когда веселящий газ...

—Кувыркается? Что это тебе пришло в голову! Кувыркается под потолком? Мне просто стыдно за тебя!

Мэри Поппинс явно была очень оскорблена.

—Но ведь это правда!— сказал Майкл.— Мы сами видели!

—Что-о? Видели, как он кувыркался? Как ты смеешь! Да будет тебе известно, что мой дядя — серьёзный, честный, порядочный человек, труженик, и будь любезен говорить о нём с уважением! И перестань жевать автобусный билет! Кувыркается! Надо же выдумать!

Майкл и Джейн удивлённо переглянулись.

Но они ничего не сказали.

Они уже усвоили, что, какие бы ни творились кругом чудеса, с Мэри Поппинс лучше не спорить.

Поэтому они только переглянулись.

И взгляд, которым они обменялись, означал:

«Было это или не было? Кто прав — Мэри Поппинс или мы?»

Увы, никто не мог им ответить на этот вопрос...

Автобус несся вперёд, ревя мотором и покачиваясь.

Мэри Поппинс сидела между ними надувшись и молчала; и вдруг — ведь ребята очень устали — они подвинулись к ней поближе, прижались к ней и задремали, продолжая недоумевать.

Глава третья. Мисс Ларк и её Эдуард

Мисс Ларк жила в соседнем доме.

Но, прежде чем мы пойдём дальше, надо обязательно рассказать тебе, что это был за дом — соседний дом. Это был очень большой дом, самый-самый большой во всём Вишнёвом переулке. Даже Адмирал Бум не мог скрыть, что он завидует мисс Ларк, хотя в его собственном доме — ты помнишь? — трубы были как на настоящем пароходе, а в палисаднике стояла мачта с флагом. И всё-таки соседи то и дело слышали, как он, проходя мимо дома мисс Ларк, ворчит:

—Лопни моя селезёнка! И зачем ей такие хоромы?

А завидовал Адмирал Бум тому, что в доме у мисс Ларк было два входа. Один парадный — для друзей и родственников мисс Ларк, а второй чёрный — для молочника, мясника и булочника.

Однажды булочник по ошибке вошёл через парадную дверь, и мисс Ларк так рассердилась, что сказала, что больше никогда в жизни не будет есть булочек!

В конце концов ей, правда, пришлось простить булочника, потому что только он один во всей округе умел печь булочки с хрустящей корочкой. И всё-таки она с тех пор недолюбливала его, и, приходя с булками, он натягивал шляпу на самые глаза, чтобы мисс Ларк могла подумать, что это не он, а кто-нибудь другой. Но этого никогда не случалось...

Джейн и Майкл всегда знали, когда мисс Ларк находится в саду или идёт по переулку, потому что она носила столько ожерелий и серёг, что вся звенела и гремела, как полковой оркестр.

И, когда бы она ни встретила детей, она всегда говорила одно и то же:

—Добрый день (или «доброе утро», если это было утром). Ну, как мы себя чувствуем?

Ни Джейн, ни Майкл так никогда и не могли до конца понять, о чём мисс Ларк спрашивает: как чувствуют себя Джейн и Майкл или как чувствуют себя они сами — мисс Ларк и Эдуард.

Так что они просто отвечали:

—Доброе утро (или, естественно, «добрый день», если время было послеобеденное).

День-деньской ребята, где бы они ни находились, слышали, как мисс Ларк кричит (очень громким голосом) что-нибудь вроде:

—Эдуард, где ты?

—Эдуард, не выходи без пальто!

—Эд, иди к мамочке!

Посторонний человек, конечно, решил бы, что Эдуард — это мальчик. Между прочим, Джейн была уверена, что мисс Ларк и считает Эдуарда маленьким мальчиком. Но Эдуард — это был не мальчик. Это был пёсик — маленький, шелковистый, пушистый пёсик, из тех, которых вполне можно принять за меховую муфту, пока они не начинают лаять. Но, конечно, когда они залают, тут уж не

ошибёшься и поймёшь, что это собачка. Никогда в жизни ни одна муфта не поднимала такого шума!

Так вот, этот Эдуард вёл такую роскошную жизнь, что вы могли подумать, будто он — Шах Персидский инкогнито. Он спал на шёлковой подушке в комнате мисс Ларк; он два раза в неделю ездил на машине к парикмахеру — мыться шампунем; к обеду, завтраку и ужину ему подавали сливки, а иногда — устриц; и у него было четыре пальто, в полоску и в клеточку, и все разных цветов! Словом, в будни у него было полным-полно таких вещей, которые у простых смертных бывают только в день рождения; а когда у Эдуарда был день рождения, на его праздничный пирог ставили по две свечи за каждый прожитый им год вместо одной, как делают обычно.

Результат всего этого был тот, что Эдуарда терпеть не могли во всей округе. Все соседи покатывались со смеху, когда Эдуард в своём шикарном пальто проезжал мимо них на заднем сиденье машины мисс Ларк, направляясь к парикмахеру, укрытый меховой попонкой.

А в тот день, когда мисс Ларк купила ему две пары кожаных ботиночек, чтобы он мог гулять по парку в сырую погоду, весь переулок высыпал к ограде — посмотреть на Эдуарда и похихикать в кулачок.

—Фу!— сказал как-то раз Майкл, когда они с Джейн наблюдали за Эдуардом сквозь изгородь, отделявшую Дом Номер Семнадцать от соседнего дома.— Фу! Он просто ничтожество!

—Откуда ты знаешь?— спросила Джейн, очень заинтересованная.

—Я знаю, потому что папа так его назвал сегодня утром.

—Он вовсе не ничтожество!— сказала Мэри Поппинс.— И точка!

И Мэри Поппинс была права. Эдуард вовсе не был ничтожеством, как вы очень скоро увидите.

Не нужно думать, что он не уважал мисс Ларк. Он её уважал. Он даже по-своему любил её. Разве мог он плохо относиться к той, которая была так добра к нему всю

жизнь — с тех пор, когда он был ещё щеночком,— даже если она и целовала его слишком уж часто. Но не было никакого сомнения в том, что жизнь, которую вёл Эдуард, надоела ему хуже горькой редьки. Он с радостью отдал бы половину своего состояния — если бы оно у него было — за честный кусок простого сырого мяса вместо куриной грудки или омлета со спаржей, которыми его обычно потчевали.

Потому что в глубине своей собачьей души Эдуард мечтал стать дворняжкой — обыкновенной дворняжкой. Когда он проходил мимо своей родословной (висевшей на почётном месте в гостиной мисс Ларк), его бросало в дрожь. От стыда. Сколько раз он мечтал о том, чтобы у него не было ни отца, ни дедушки, ни прадедушки и мисс Ларк не могла поднимать из-за них столько шума!

Недаром он и дружил только с одними дворняжками. Едва ему удавалось вырваться, он мчался к калитке и сидел там, поджидая какую-нибудь дворнягу, с которой он мог бы потолковать о жизни — о нормальной собачьей жизни. Но как только мисс Ларк замечала это, она непременно поднимала крик:

—Эди! Эди, домой, маленький! Не подходи к этим ужасным уличным собакам!

Увы, Эдуарду приходилось идти домой, потому что иначе мисс Ларк не постеснялась бы понести его домой и тем самым опозорить навеки. И несчастный пёсик краснел и мчался опрометью по лестнице, чтобы друзья не слышали, как она называет его Золотком, Радостью, Сахарочком.

Самый закадычный друг Эдуарда был не просто дворнягой — он был Притчей во Языцах. Он был наполовину эрделем, наполовину легавой, причём обе половины были худшие. Где бы на улице ни происходила драка, он непременно оказывался в самой гуще; он постоянно имел неприятности с почтальоном и полисменом; и больше всего на свете он любил рыться в помойках и сточных канавах. Словом, это была действительно Притча во Языцах всего переулка, и многие вслух выражали свою радость, что он — не их собака...

Но Эдуард любил его и постоянно с нетерпением ждал встречи со своим другом. По большей части им, правда, удавалось лишь на ходу обнюхаться в парке, но иногда, если им везло (что бывало очень-очень редко), они вели длинные беседы

через забор. Тогда-то Эдуард узнавал от своего друга все городские новости и сплетни, причём грубый смех дворняги явно говорил о том, что она не очень стесняется...

И тут вдруг приятную беседу прерывал визгливый голос мисс Ларк, звавшей Эдуарда из окна; гость, показав ей язык, подмигивал Эдуарду и неторопливо удалялся, поваливая своей задней частью, с видом полнейшего презрения.

Эдуарду, конечно, никогда не разрешалось выходить за ворота одному: он мог выйти либо с мисс Ларк — на прогулку в парк, либо с одной из её служанок — к парикмахеру или маникюрше.

Представьте же себе удивление Джейн и Майкла, когда они увидели, что Эдуард мчится мимо них по парку, один-одинёшенек, прижав уши и подняв хвост, словно он напал на след тигра. Мэри Поппинс рывком приподняла коляску — чтобы Эдуард не налетел на неё и не опрокинул вместе с Близнецами. А Джейн и Майкл радостно завопили.

—Эй, Эдуард! Где твоё пальто?— крикнул Майкл, стараясь передразнить высокий, визгливый голос мисс Ларк.

—Эдуард! Ах ты нехороший мальчик!— крикнула Джейн, и, конечно, так как она была девочка, голос мисс Ларк получился у неё гораздо лучше.

Но Эдуард только презрительно покосился на них и громко пролаял что-то Мэри Поппинс.

—Гав-гав! Ррр-гав-гав-гав!— повторил он несколько раз.

—Сейчас, дай подумать. Ага! По-моему, первый поворот направо, а там — второй дом на левой стороне,— сказала Мэри Поппинс.

—Гав?— сказал Эдуард.

—Нет, там нет садика. Просто задний двор. Ворота почти всегда открыты.

Эдуард опять залаял.

—Точно не знаю,— сказала Мэри Поппинс,— но думаю, что да. Он обычно дома в это время.

И Эдуард, кивнув головой, понёсся галопом дальше. От удивления глаза у Джейн и Майкла были круглые, как блюдечки.

—Что он говорил?— спросили ребята хором.

—Да просто так, разные пустяки...— ответила Мэри Поппинс и сжала губы так плотно, словно твёрдо решила не выпустить изо рта больше ни одного слова. Слышно было только, как Джон и Барбара ворковали в коляске.

—Нет, не пустяки!— выпалил Майкл.

—Не просто так!— поддержала Джейн.

—Ну конечно, вы лучше знаете! Как всегда!— презрительно сказала Мэри Поппинс.

—Он, наверно, спрашивал вас, где кто-то живёт,— начал Майкл.

—Что ж, если ты сам знаешь, зачем приставать ко мне с вопросами?— фыркнула Мэри Поппинс.— Я не энциклопедия!

—Майкл,— шепнула Джейн,— она нам ничего не скажет, если ты будешь так разговаривать. Пожалуйста, Мэри Поппинс, скажите нам, что Эдуард вам говорил, пожалуйста!

—Спроси вот у него! Он знает — мистер Всезнайка!— сказала Мэри Поппинс, сердито кивнув в сторону Майкла.

—Ой, нет, я не знаю! Честное слово, не знаю! Скажите!

—Половина четвёртого. Пора пить чай,— сказала Мэри Поппинс.

Она круто развернула коляску и покатила её домой, сжав губы ещё крепче, словно заперла рот на замок. И всю дорогу она не проронила ни слова.

Джейн с Майклом немного отстали.

—Это ты виноват,— сказала Джейн.— Теперь мы никогда ничего не узнаем!

—Ну и ладно,— сказал Майкл и изо всех сил разогнал свой самокат.— Я и не хочу знать!

Но он, конечно, ужасно хотел знать. И случилось так, что и он, и Джейн, и все остальные всё узнали ещё до чая.

Они были уже напротив своего дома и собирались перейти улицу, как вдруг они услышали громкие крики в соседнем доме и увидели удивительную картину. Обе горничные мисс Ларк носились как безумные по саду, то заглядывая под кусты, то на верхушки деревьев, как будто они разыскивали потерянное сокровище. Там же был и Робертсон Эй из Дома Номер Семнадцать, с деловым видом разметавший гравий на дорожке сада мисс Ларк, словно он надеялся найти пропажу под камушком. Сама мисс Ларк бегала по саду, ломая руки и крича:

—Эдуард! Эдуард! О боже, он пропал! Мой дорогой мальчик пропал! Надо послать за полицией! Я поеду к премьер-министру! Эдуард пропал! О боже! О боже!

—Бедная мисс Ларк!— воскликнула Джейн и кинулась через дорогу. Ей было всё-таки очень жалко мисс Ларк.

Но утешение принёс — и очень быстро — не кто иной, как Майкл. Как раз подходя к своей калитке, он оглянулся и вдруг что-то увидел в конце переулка.

—Эй, вон Эдуард, мисс Ларк! Посмотрите, вон там — на углу возле дома Адмирала Бума!— закричал Майкл.

—Где, где он? Покажи мне!— задыхающимся голосом молила мисс Ларк. Наконец она поняла, куда он показывает, и впилась туда глазами.

И там действительно был Эдуард. Он шёл не спеша, с невозмутимым видом, словно ему всё трын-трава, а рядом с ним семенил огромный пёс, казавшийся наполовину эрделем, наполовину легавой (причём обе половины были, как ты помнишь, худшие)...

—О боже, какое счастье!— возопила мисс Ларк, громко вздыхая.— Какой камень свалился с моей души!

Мэри Поппинс и ребята приостановились у калитки; мисс Ларк и обе её горничные перевесились через забор; Робертсон Эй, отдыхая от трудов праведных, опёрся на щётку, и все в молчании созерцали возвращение Эдуарда.

А Эдуард и его друг важно шествовали по направлению к дому, небрежно поваливая хвостами и насторожив уши, и по выражению глаз Эдуарда вы могли понять: какие бы у него намерения ни были — это были серьёзные намерения.

—Боже! Эта ужасная собака!— пролепетала мисс Ларк, разглядев спутника Эдуарда.— Пшёл! Пшла! Марш отсюда!— закричала она.

Но пёс вместо ответа просто-напросто уселся на тротуар, почесал правой ногой левое ухо и зевнул.

—Пшёл! Вон! Пшёл, говорят тебе!— сердито замахала на него руками мисс Ларк.— А ты, Эдуард,— продолжала она,— иди домой сию минуту! Как ты мог так уйти — совершенно один и без пальто! Я тобой очень недовольна!

Эдуард лениво твякнул, но не двинулся с места.

—Что это значит, Эд? Иди немедленно домой!— настаивала мисс Ларк.

Эдуард опять твякнул.

—Он говорит,— вмешалась Мэри Поппинс,— что не собирается возвращаться домой.

Мисс Ларк обернулась и смерила Мэри Поппинс надменным взглядом:

—Откуда вы знаете, что говорит моя собака, позвольте спросить? Конечно, он сейчас же пойдёт домой!

Однако Эдуард только энергично затряс головой и что-то проворчал.

—Он не пойдёт,— сказала Мэри Поппинс.— Не пойдёт без своего друга.

—Какие глупости!— сердито сказала мисс Ларк.— Он совсем не это говорит!
Неужели я впущу эту безобразную дворнягу в свой сад!

Эдуард пролаял три или четыре раза.

—Он говорит, что так решил,— сказала Мэри Поппинс.— И более того — он уйдёт и будет жить со своим другом, если его другу не позволят жить здесь с ним.

—Эдуард, как ты можешь так говорить, после всего, что я для тебя сделала!—
Мисс Ларк чуть не плакала.

Эдуард твякнул и отвернулся. Большой пёс встал.

—О боже, он уходит! Я вижу, он хочет уйти!— рыдала мисс Ларк.

Она минутку поплакала в платочек, потом высморкалась и сказала:

—Что ж, хорошо, Эдуард! Я сдаюсь. Пусть эта... эта дворняжка останется у нас.
Но с одним условием — она будет спать в угольном погребе.

—Он заявляет, мэм, что это невозможно. Его друг тоже должен спать на шёлковой подушке в вашей комнате, как и он. Иначе он будет спать в погребе со своим другом,— сказала Мэри Поппинс.

—Эдуард, как тебе не совестно!— простонала мисс Ларк.— Я никогда на это не соглашусь!

Эдуард ясно дал понять, что он собирается уходить. То же сделал и большой пёс.

—О боже, он покидает меня!— взвизгнула мисс Ларк.— Эд, Эд, я согласна! Пусть будет так, как ты хочешь. Он будет спать в моей комнате, хорошо! Но моя жизнь теперь навсегда разбита, навсегда! Такая ужасная дворняжка!

Она вытерла свои мокрые глаза и продолжала:

—Я никак этого от тебя не ожидала, Эдуард. Больше я ничего не скажу! Пусть всё, что я думаю, останется у меня в груди. А это... м-м-м... животное я буду звать Шариком, или Бобиком, или...

Тут большой пёс взглянул на мисс Ларк с величайшим презрением, а Эдуард громко залаял.

—Они говорят, вы должны звать его Варфоломеем и никак иначе,— сказала Мэри Поппинс.— Его имя — Варфоломей!

—Варфоломей! Что за имя! Этого ещё не хватало!— в отчаянии пролепетала мисс Ларк.— Что он ещё говорит?

Эдуард опять залаял.

—Он говорит, что вернётся только при условии, что вы никогда не будете его заставлять носить пальто и не станете посылать к парикмахеру. Это его последнее слово!— сказала Мэри Поппинс.

Наступило молчание.

—Что ж, очень хорошо,— сказала мисс Ларк наконец.— Но я тебя предупреждаю, Эдуард: если ты простудишься и умрёшь, пеняй на себя!

С этими словами она повернулась и величественно зашагала в дом, по дороге глотая слёзы и шмыгая носом.

Эдуард наклонил голову к Варфоломею, словно говоря: «Пошли!»

И обе собаки бок о бок не спеша проследовали по садовой дорожке, подняв хвосты, как флаги, и вошли в дом следом за мисс Ларк.

—Да, как видишь, он оказался не таким уж ничтожеством,— сказала Джейн, когда ребята поднимались в детскую.

—Нет!— согласился Майкл.— Но как ты думаешь, откуда Мэри Поппинс это знала?

—Не знаю,— сказала Джейн.— А она нам никогда-никогда не скажет. Никогда...

Глава четвёртая. Танцующая корова

У Джейн болело ухо. Она лежала в постели, и голова у неё была повязана цветным платком Мэри Поппинс.

—А что ты чувствуешь?— поинтересовался Майкл.

—Как будто у меня в голове пушки стреляют,— ответила Джейн.

—Настоящие пушки?

—Нет, хлопушки!

—Ого!— завистливо сказал Майкл. И ему почти захотелось, чтобы у него тоже заболело ухо.— Хочешь, я тебе почитаю вслух?— сказал он, подходя к книжной полке.

—Нет, мне очень больно,— ответила Джейн, хватаясь за ухо.

—Тогда хочешь, я сяду у окошка и буду тебе говорить, что делается на улице?

—Да, валяй,— сказала Джейн.

И вот Майкл сел на подоконник и стал рассказывать Джейн обо всём, что происходило в переулке. Иногда это было совсем неинтересно, а иногда — чрезвычайно интересно.

—Вот Адмирал Бум!— говорил он.— Он вышел из дома и куда-то спешит. Подходит, подходит... Нос у него сегодня красный-красный. Ой, на нём цилиндр! Вот он проходит мимо нашего дома.

—А говорит он: «Лопни моя селезёнка»?— спросила Джейн.

—Мне не слышно. Но, наверно, говорит... Вторая горничная мисс Ларк вышла в сад. А в нашем саду Робертсон Эй подметает листья и смотрит на неё через забор. А теперь он сел отдохнуть.

—У него больное сердце,— сказала Джейн.

—Откуда ты знаешь?

—Он мне сам сказал. Он сказал, доктор велел ему работать как можно меньше. А папа сказал, если Робертсон Эй послушается доктора, он его уволит... Ой, как трещит и стреляет!— крикнула она, снова хватаясь за ухо.

—Ого-го!— завопил вдруг Майкл в величайшем возбуждении.

—Что случилось?— закричала Джейн, садясь в постели.— Скажи скорей!

—Потрясающая вещь! По нашему переулку идёт корова!— ответил Майкл, прыгая по подоконнику.

—Корова? В городе? Настоящая корова? Вот чудеса! Мэри Поппинс! Майкл говорит, у нас в переулке — корова!

—Да-да! Идёт тихо-тихо, заглядывает во все ворота и всё осматривает. Как будто что-то потеряла и ищет!

—Ой, как жалко, что я не могу посмотреть!— грустно сказала Джейн.

Мэри Поппинс подошла к окну.

—Глядите!— сказал Майкл, показывая вниз.— Корова!

—Вот странно, правда?

Мэри Поппинс бросила вниз быстрый, пронзительный взгляд и вздрогнула от удивления.

—Тут нет ничего странного,— сказала она, обернувшись к Джейн и Майклу.— Ровно ничего! Я знаю эту корову. Она была большой приятельницей моей матери, и я буду вам очень обязана, если вы будете разговаривать с ней вежливо.

Разгладив фартук, она строго посмотрела на ребят.

—А вы давно её знаете?— спросил Майкл, стараясь говорить как можно вежливее в надежде услышать ещё что-нибудь про корову.

—Ещё до того, как она побывала у Короля,— сказала Мэри Поппинс.

—А давно это было?— спросила Джейн самым нежным голосом, каким умела.

Мэри Поппинс смотрела куда-то вдаль. Глаза её видели что-то, чего никто не мог рассмотреть. Джейн и Майкл затаили дыхание и ждали.

—Давным-давно,— начала Мэри Поппинс задумчивым тоном сказочника. Она сделала паузу, словно вспоминая события, случившиеся много-много веков назад. Потом продолжала, мечтательно глядя невидящими глазами прямо перед собой.

«Рыжая Корова — вот как её звали. И была она очень важной и богатой коровой, рассказывала моя мать. Она жила на самом лучшем лугу во всей округе — на большом лугу, который весь зарос лютиками размером с блюдечко и одуванчиками, стоявшими ровными рядами, как солдаты. И, когда она съедала голову одного солдатика, на его месте сразу вырастал другой, в зелёном военном мундире и в жёлтом кивере.

Она жила там всегда — она сама часто говорила моей матери, что не может даже припомнить тех времён, когда бы она не жила на этом лугу. Зелёные ограды да небо — это и был её мир, и она ничего не знала о том, что лежит за его пределами.

Рыжая Корова была очень почтенной дамой, она всегда вела себя как Истинная Леди и отлично знала Всё, Что Полагается. Белое было для неё белым, чёрное — чёрным, без всяких тонкостей и оттенков. Одуванчики бывают сладкие или кислые, середины нет, говаривала она.

И она была всегда очень занята. По утрам она давала уроки своей дочери, Рыжей Тёлке, и после обеда она обучала дочурку хорошим манерам, и мычанию, и вообще всему, что полагается знать приличному, воспитанному телёнку. А потом они вместе ужинали, и Рыжая Корова учила Рыжую Тёлку, как отличать хорошую травинку от плохой; а когда дочка укладывалась спать, она стояла на лугу и жевала жвачку, и в голове у неё текли важные, спокойные мысли...

Каждый день походил на другой. Одна Рыжая Тёлка вырастала и уходила, и её сменяла другая. И вполне понятно, что Рыжая Корова воображала, что жизнь её всегда будет неизменной, всегда одна и та же. Да она и не хотела никаких перемен, потому что была твёрдо уверена, что лучшей жизни, чем у неё, быть не может.

И вот, как раз когда она думала об этом, приключение — «как она сама потом рассказывала моей матери,— приключение уже подстерегало её. Случилось это

ночью — тихой ночью, когда звёзды сами были похожи на одуванчики в небесах, а луна среди них казалась большой маргариткой.

В эту самую ночь — Рыжая Тёлка давно уже спала — Корова вдруг вскочила и пустилась в пляс. Она танцевала с увлечением; танцевала просто замечательно, строго выдерживая такт, хотя никакой музыки не было.

То она танцевала польку, то шотландскую джигу, то переходила на какой-то новый танец, который тут же сама выдумывала из головы. А в промежутках между танцами она делала реверансы, и кланялась, и приседала перед одуванчиками.

«Боже мой!— подумала Рыжая Корова, начиная отплясывать матросский танец.— Как странно! Я всегда считала, что танцевать неприлично, но выходит, это не так — ведь я сама танцую, а я всегда была образцовой Коровай!»

Она танцевала и танцевала в своё удовольствие, но в конце концов устала и решила, что танцевать хватит — пора бы поспать. Однако, к её крайнему изумлению, оказалось, что она не может перестать танцевать. Она попыталась улечься рядом с Рыжей Тёлкой, но собственные ноги её не послушались! Они продолжали танцевать, выделять всевозможные па и выписывать кренделя и вензеля, и, понятно, ей пришлось танцевать вместе с ними! И она понеслась в бешеном вальсе...

—О боже!— восклицала она в промежутках между танцами.— Ах, как всё это странно! Ах, как странно!

Но, хотя она говорила тоном истинной леди, остановиться она всё-таки не могла.

Наступило утро, настал день, а она всё ещё танцевала — носилась по лугу то кругами, то вдоль, то поперёк, а по пятам за ней бегала Рыжая Тёлка и жалобно мычала. Когда же пришёл новый вечер и Корова всё ещё не могла остановиться, она очень огорчилась. А к концу недели она совсем расстроилась.

—Я должна пожаловаться Королю,— решила она и затрясла головой.

И, поцеловав Рыжую Тёлку, она велела ей хорошо себя вести и отправилась во дворец.

Всю дорогу она протанцевала, и лишь изредка ей удавалось перехватить травинку-другую, и все, кто видел её, таращили глаза от удивления. Но больше всех удивлялась она сама...

Наконец Корова пришла во дворец и, танцуя, поднялась по широкой лестнице к самому королевскому трону.

А на троне сидел Король. Он был очень занят — он сочинял новые законы. Его секретарь записывал их большим гусиным пером в маленький красный блокнотик.

Кругом стояли придворные и фрейлины; все они были разодеты в пух и прах и говорили все сразу.

—Сколько законов я сочинил сегодня?— спросил Король у секретаря.

Секретарь быстро сосчитал, перелистав блокнотик.

—Семьдесят два, ваше величество!— с низким поклоном отвечал он, стараясь не споткнуться о своё гусиное перо (такое оно было большое).

—Гм! Неплохо. И всего за час работы!— сказал Король, очень довольный собой.

Он встал и красиво задрапировался в свою горностаевую мантию.

—Карету! Я еду к цирюльнику,— сказал он величественно.

И тут он заметил Рыжую Корову. Он снова уселся и схватил свой скипетр.

—Что это такое, а?— крикнул он, увидав, что Рыжая Корова подтанцевала уже к самому подножию трона.

—Корова, ваше величество,— просто отвечала Корова.

—Это я вижу,— сказал Король.— Я ещё не лишился зрения. Но что вам тут нужно? Выкладывайте! И живо, потому что в десять я должен быть у цирюльника, а он не будет ждать! А мне необходимо подстричься. И, ради всего святого, перестаньте скакать и вертеться!— раздражённо добавил он.— У меня просто голова кружится!

—Просто голова кружится!— как эхо, подхватили придворные.

—В этом-то и есть моя беда, ваше величество,— жалобно сказала Корова.— Я не могу перестать!

—Не можете перестать? Глупости!— рявкнул Король.— Немедленно перестаньте! Таков королевский приказ!

—Немедленно перестать! Таков королевский приказ!— повторили все придворные.

Корова изо всех сил постаралась выполнить королевский приказ. Все кости и мускулы заходили у неё ходуном. Но напрасно. Она всё равно продолжала танцевать у самого подножия трона.

—Я старалась, ваше величество. Ничего не выходит. Я танцую вот уже седьмой день. И не сплю. И почти ничего не ем — листок-другой чертополоха, и всё. Вот я и пришла попросить у вашего величества совета — как мне быть?

—Гм! Очень странно!— сказал Король, сдвинув корону набок и почёсывая затылок.

—Очень странно!— отозвались придворные, тоже почесав в затылках.

—А какое при этом ощущение?— спросил Король.

—Странное,— отвечала Корова.— И, пожалуй,— сказала она, тщательно выбирая слова,— пожалуй, приятное. Словно... словно внутри у меня взад-вперёд бегают смешинки.

—Поразительно!— сказал Король.

Он подпер голову руками и уставился на Корову, погружившись в размышления. Вдруг он вскочил и закричал:

—Господи боже ты мой!

Что случилось?— закричали придворные.

—Вы разве сами не видите!— завопил Король. От волнения он уронил свой скипетр.— Какой же я идиот, что сразу этого не заметил! И какие вы все идиоты!— гневно обернулся он к придворным.— Разве вы не видите, что она подхватила на рога Падучую звезду?

—Вот в чём дело!— закричали придворные, которые вдруг тоже все впервые заметили звезду, и уставились на неё. И казалось, чем больше на неё смотрели, тем ярче она разгоралась.

—В этом-то и беда!— сказал Король.— Итак, господа придворные, снимите эту звезду, чтобы названная... ммм... леди могла перестать танцевать и прилично позавтракала. Это звезда, сударыня, заставляет вас плясать,— обратился он к Корове.— Ну-ка, поживей!

И сделал знак главному придворному, который, изящно поклонившись Рыжей Корове, потащил звезду. Но звезда не поддавалась. За старшего придворного ухватился другой, за другого — третий, и так далее, и так далее; образовалась длинная-предлинная цепь, словно все придворные собирались тянуть репку.

—Не оторвите мне голову!— жалобно попросила Корова.

—Тяните сильнее!— загремел Король.

Придворные повиновались. Они стали тянуть изо всех сил. Тянули так, что лица у всех стали красные, как малина. Они тянули до тех пор, пока у них уже не стало сил тянуть, и тогда они все повалились друг на друга.

А звезда и не шевельнулась. Она твёрдо держалась на коровьем роге.

—Тц-тц-тц!— сокрушённо щёлкнул языком Король.— Секретарь! Посмотрите, что говорится о коровах со звёздами на рогах в Энциклопедии!

Секретарь стал на колени и залез под трон. Потом он вынырнул оттуда с огромной зелёной книгой, которая всегда находилась там на тот случай, если Король пожелает о чём-нибудь осведомиться.

Секретарь поспешно перелистал Энциклопедию.

—Ничего нет, ваше величество,— сокрушённо сказал он наконец.— Есть только про Корову, Которая Подпрыгнула Выше Луны, но это вы и так знаете.

И — просто на всякий случай — он прочитал стихи, которые и так знает каждый ребёнок:

Послушайте сказочку

Вы, шалуны:

Корова подпрыгнула

Выше Луны!

Боюсь, что не скоро

Появится снова

Такая прыгучая

Чудо-корова!

Король потёр подбородок — это помогало ему думать. Потом он сердито вздохнул и поглядел на Корову.

—Вот всё, что я могу вам посоветовать,— сказал он.— Попробуйте сделать то же самое.

—Что попробовать?— спросила Рыжая Корова.

—Подпрыгнуть выше Луны. Может быть, это поможет. В общем, стоит попытаться.

—Мне?— спросила Рыжая Корова с возмущением.

—Да, вам, вам, кому же ещё?— нетерпеливо сказал Король. Он очень торопился к цирюльнику.

—Государь,— сказала Корова,— позволю себе напомнить вам, что я приличная, воспитанная скотина и мне с детства внушали, что прыжки — неподходящее занятие для дамы!

Король встал и махнул на неё скипетром.

—Сударыня,— сказал он,— вы просили у меня совета, и я вам его дал. Вы хотите танцевать вечно? Вы хотите вечно голодать? Хотите вечно не спать?

Рыжая Корова подумала о сочных, свежих, сладких одуванчиках. О том, как приятно лежать на мягкой луговой траве. О своих усталых ногах. И она сказала себе: «Ну, может быть, один разок ничего? А к тому же никто, кроме Короля, и не узнает!»

—А это очень высоко?— спросила она, не переставая танцевать.

—Не меньше мили, по-моему,— сказал Король.

Рыжая Корова кивнула. Она была того же мнения. Она подумала ещё минутку и наконец решилась.

—Никогда не думала, что дойду до этого, ваше величество! Прыгать, да ещё выше Луны! Но — я попытаюсь!— сказала она и сделала Королю грациозный реверанс.

—Отлично,— сказал Король весело. Он сообразил, что, пожалуй, всё же успеет к цирюльнику вовремя.— Следуйте за мной.

Он направился в сад, и Корова и все придворные пошли за ним.

—Итак,— сказал Король, когда они вышли на широкую лужайку,— когда я свистну, прыгайте.

Он достал большой золотой свисток из жилетного кармана и слегка подул в него, чтобы убедиться, что он не засорился.

Рыжая Корова танцевала в положении «смирно».

—Ну,— сказал Король.— Раз!.. Два!.. Три!— И он свистнул.

Рыжая Корова набрала воздуха — и прыгнула. Вот это был прыжок! Земля сразу оказалась далеко-далеко внизу, фигуры Короля и придворных становились всё меньше и меньше и наконец совсем исчезли. А Корова взлетала в небо всё выше и выше; звёзды проносились мимо неё, словно большие золотые тарелки, и вот её ослепил яркий свет, и она почувствовала, что её коснулись холодные лунные лучи. Корова зажмурилась, пролетая над луной, и, миновав полосу слепящего сияния, она наклонила голову к земле и ощутила, что звезда соскользнула с её рога. С громом и звоном покати́лась звезда по небу.

А когда она исчезла во тьме, Корове показалось, что до неё донеслись чудесные звучные аккорды удивительной небесной музыки...

И в следующий миг Рыжая Корова снова опустилась на землю. К своему большому удивлению, она обнаружила, что находится не в королевском саду, а на своём родном лугу!

И главное — она перестала танцевать!

Ноги её ступали важно и уверенно, как и полагается ногам всякой уважающей себя коровы. Степенной, неспешной походкой она прошла по лугу навстречу Рыжей Тёлке, по дороге обезглавливая своих золотоволосых солдатиков.

—Я так рада, что ты вернулась!— сказала Рыжая Тёлка.— Мне было так тоскливо!

Корова поцеловала её и стала пастись. Впервые за неделю она могла поесть вдоволь. И, чтобы утолить голод, ей пришлось съесть несколько полков.

Так она зажила по-прежнему. И сначала её это радовало. Она была счастлива, что может вовремя, без всяких танцев, позавтракать; может полежать на траве, пережёвывая жвачку; может спокойно спать ночью, вместо того чтобы до рассвета выписывать кренделя и делать реверансы.

Но вскоре она начала тревожиться. Да, конечно, луг, и одуванчики, и Рыжая Тёлка — всё это было очень хорошо, но она чувствовала, что ей чего-то не хватает. Чего — сперва она и сама не знала. Но в конце концов она поняла: она скучала по своей звезде. Да, как это ни странно, она, видно, привыкла танцевать и ощущать во всём теле счастливую лёгкость и бегающие смешинки.

Она стала раздражительной, она потеряла аппетит, и порой она без всякой причины ревела.

И вот однажды она пошла к моей матери, рассказала ей всю эту историю и попросила у неё совета.

—Дорогая моя!— сказала ей моя мама.— Неужели вы думаете, что на небе мало звёзд? Их миллионы! И миллионы звёзд падают каждую ночь! Но, конечно, нельзя ожидать, что они будут падать в одно и то же место, на один луг!

—Так вы считаете — если бы я немного попутешествовала...— начала Рыжая Корова, и глаза её засияли радостью и надеждой.

—Конечно! На вашем месте,— сказала моя мама,— на вашем месте я бы не долго раздумывала. Ищите — и обрящете!

—Я так и сделаю,— радостно сказала Корова.— Так и сделаю!

Мэри Поппинс умолкла.

—А я догадалась, зачем она пришла в наш переулок!— задумчиво произнесла Джейн.

—И я тоже!— поддержал Майкл.— Она ищет свою звезду.

Мэри Поппинс вздрогнула и выпрямилась.

—Будьте любезны немедленно отойти от окна, сэр!— сердито сказала она.— Сейчас я потушу свет!

Но и засыпая, ребята очень-очень хотели, чтобы Рыжей Корове удалось найти свою звезду...

Глава пятая. История близнецов

Джейн и Майкл ушли в гости, надев свои лучшие костюмы, в которых они выглядели, по словам Элин, «точь-в-точь как с витрины в магазине».

Весь день дом был очень тих и спокоен, словно он задумался о чём-то своём или, может быть, задремал.

Внизу, в кухне, миссис Брилл, водрузив на нос очки, читала газету. Робертсон Эй сидел в саду и был очень занят: он ничего не делал. Миссис Бэнкс сидела с ногами на диване в гостиной. И дом стоял тихий-тихий, замечтавшись о чём-то или, может быть, задумавшись.

Наверху в детской Мэри Поппинс сушила у камина костюмчики Близнецов. Солнце врывалось в окно, его лучи играли на побелённых стенах и танцевали над кроватками малышей.

—Эй, ты, отодвинься! Ты мне прямо в глаза залез!— сказал Джон громким голосом.

—Извини!— отвечал солнечный луч.— Ничего не могу поделать! Волей-неволей я должен пройти сквозь эту комнату. Приказ есть приказ. Мой дневной маршрут — от Восхода до Заката, а ваша детская как раз по дороге! Так что уж прости. Закрой глазки — ты меня и не заметишь!

Золотой сноп солнечных лучей пересекал комнату. Он явно старался двигаться как можно быстрее, чтобы выполнить просьбу Джона.

—Какой ты нежный, какой ласковый! Я тебя так люблю!— сказала Барби, вытянув руки навстречу тёплому сиянию.

—Молодчина!— одобрительно сказал солнечный луч и коснулся её щёк и волос лёгким, ласкающим движением.— Так ты говоришь, я тебе нравлюсь?— спросил он, видимо не прочь снова услышать похвалу.

—Уж-жасно!— сказала Барби, вздохнув от удовольствия.

—Опять болты-болты-болты? В жизни не слыхал столько болтовни, как тут! Вечно кто-нибудь трещит в этой комнате!— прозвучал с окошка чей-то пронзительный голос.

Джон и Барби поглядели в окно.

Там сидел Скворец, который жил на верхушке трубы.

—Это мне нравится!— сказала Мэри Поппинс, живо обернувшись.— Ты бы о себе подумал! Сам день-деньской трещит, стрекочет, кричит — чуть не до ночи! От твоей болтовни могут разболтаться ножки у стула! Ты хуже всякого воробья, сказать по правде!

Скворец наклонил голову набок и поглядел на неё сверху вниз со своей безопасной позиции на оконной раме.

—Ну,— сказал он,— у меня есть дела, множество дел. Совещания, переговоры, консультации, дискуссии, и так далее, и тому подобное. Разумеется, многое нужно... ммм... спокойно обсудить!

—Спокойно!— воскликнул Джон, от души смеясь.

—А я не с вами говорю, молодой человек!— отрезал Скворец, соскочив на подоконник.— И, между прочим, вам-то уж лучше бы помалкивать. Я слышал, как ты болтал в прошлую субботу. Господи! Я думал, ты никогда не остановишься! Ты мне всю ночь спать не давал!

—Я не разговаривал,— сказал Джон.— Я пла...— Он запнулся.— Я хочу сказать, я был нездоров.

—Гм!— сказал Скворец и перескочил на перила кровати Барби.

Он бочком пробежал по перилам и остановился у неё в головах. Тут он заговорил ласковым, заискивающим тоном:

—Ну, Барбара Бэнкс, найдётся сегодня что-нибудь для старого знакомого, а?

Барби, подтянувшись за перила, уселась в кровати.

—Осталась половинка печенья,— сказала она и протянула Скворцу свой пухленький кулачок.

Скворец мигом подскочил, выхватил угощение, перепорхнул на подоконник и начал жадно расклёвывать печенье.

—Спасибо!— многозначительно произнесла Мэри Поппинс.

Но Скворец был так поглощён едой, что не заметил намёка.

—Я сказала: «Спасибо!» — повторила Мэри Поппинс немного погромче.

Скворец поднял голову.

—А — что? А-а, оставь, девочка, оставь. У меня нет времени на все эти церемонии.— И он с удвоенной энергией принялся за печенье.

В комнате было очень тихо.

Джон, разнежившись на солнышке, сунул правую ногу в рот и стал водить пальцами по десне — там, где у него как раз начали прорезываться зубки.

—Зачем ты это делаешь?— весело спросила Барби своим нежным голоском, в котором всегда слышалась улыбка.— Ведь никто на тебя не смотрит — зачем стараться?

—Я знаю,— ответил Джон, продолжая разыгрывать на пальцах ноги какую-то мелодию.— Просто тренируюсь, чтобы не выйти из формы. Ведь эти штучки так радуют взрослых! Ты видела, что вчера было с тётей Флосси? Она чуть с ума не сошла от восторга, когда я ей это демонстрировал! «Золотко! Умница! Чудо моё! Прелесть!» Помнишь, как она закатывалась?

И Джон, взмахнув ногой, так и покатился со смеху, представив себе тётю Флосси.

—Мой фокус ей тоже понравился,— самодовольно сказала Барби.— Я стащила с ног носочки, и она от радости завопила, что так бы меня и съела! Вот потеха! Уж если я скажу «хочу съесть», я и правда съем! Печенье, сухарь, шишечку на перилах кровати, и так далее. А эти взрослые, по-моему, сами не понимают, что говорят. Ведь не хотела же она меня съесть на самом деле?

—Конечно, нет. Это у них просто такая дурацкая манера разговаривать,— сказал Джон.— Я их, наверно, никогда не пойму, этих взрослых. Они все какие-то глупые. И даже Джейн и Майкл иногда бывают такими глупыми!

—Угу,— рассеянно отвечала Барби, то стаскивая, то снова натягивая носки.

—Например,— продолжал Джон,— они не понимают ни единого нашего слова. Больше того: они не понимают, что говорят вещи! Подумать только, я в прошлый понедельник своими ушами слышал, как Джейн сказала, что она хотела бы знать, на каком языке говорит ветер.

—Да, да, помню,— сказала Барби.— Просто поразительно! А как тебе нравится заявление Майкла — ты, конечно, слышал?— что Скворец говорит: «Пик-пик!» Ему как будто и невдомёк, что Скворец ничего подобного не говорит, а разговаривает на том же языке, что и мы! Ну уж так и быть, от папы и мамы нельзя требовать многого — они ведь совсем ничего не понимают, хотя они такие славные,— но уж Джейн и Майкл могли бы, кажется...

—Когда-то они всё понимали,— сказала Мэри Поппинс, складывая ночную рубашку Джейн.

—Как?— хором откликнулись Джон и Барби, ужасно удивлённые.— Правда? Вы хотите сказать — они понимали Скворца, и ветер, и...

—И деревья, и язык солнечных лучей и звёзд — да, да, именно так. Когда-то,— сказала Мэри Поппинс.

—Но почему же они тогда всё это позабыли?— сказал Джон, наморщив лоб.— Почему?

—Ага,— многозначительно сказал Скворец, оторвавшись от остатков печенья.— Так вы хотели бы это знать?

—Потому что они стали старше,— объяснила Мэри Поппинс.— Барби, пожалуйста, немедленно надень свои носки.

—Вот так так!— сказал Джон, пристально взглянув на Мэри Поппинс.

—Тем не менее это так!— ответила Мэри Поппинс, потуже закатав носки Барби.

—Ну что ж, пусть Джейн и Майкл такие глупые,— продолжал Джон.— Я знаю, что я-то ничего не забуду, когда стану старше.

—А я — тем более,— сказала Барби, с удовлетворением посасывая палец.

—Забудете,— сказала Мэри Поппинс твёрдо.

Близнецы сели и уставились на неё.

—Фу-ты ну-ты!— сказал Скворец презрительно.— Нашлись вундеркинды! Тоже мне седьмое чудо света! Всё забудете, голубчики, как только прорежутся зубки!

—Ни за что!— отвечали Близнецы, глядя на Скворца так, как будто не прочь были его укокошить.

Скворец насмешливо засвистел.

—Будьте покойны, всё забудете!— повторил он.— Вы не виноваты, конечно,— добавил он мягче.— Просто тут ничего не поделаешь. Нет ни одного человека, который бы помнил после того, как ему стукнет самое большое год. За исключением, конечно, неё.— Он указал клювом на Мэри Поппинс.

—А почему она может помнить, а мы нет?— сказал Джон.

—А-а-а! Она не такая, как все. Она — редкое исключение. Она вне конкуренции!— сказал Скворец, ухмыляясь.

Джон и Барби молчали. Скворец продолжал объяснения:

—Она — единственная в своём роде. Нет, я не о наружности. Конечно, любой мой только что вылупившийся птенец гораздо красивее, чем Мэри Поппинс была, есть и...

—Я тебе задам, наглец!— сердито сказала Мэри Поппинс, мгновенно обернувшись и махнув в его сторону фартуком. Но Скворец, отскочив в сторону, перепорхнул на оконную раму и, оказавшись вне опасности, насмешливо свистнул.

—Думала, ты меня на этот раз поймала, да?— хихикнул он и помахал ей крыльями.

Мэри Поппинс только фыркнула.

Солнечное пятно двигалось по комнате, и длинные золотые стволы тянулись за ним. За окном набежавший лёгкий ветерок что-то тихонько прошептал веткам вишен в переулке.

—Слушай, слушай, ветер разговаривает,— сказал Джон, наклонив голову набок.— Мэри Поппинс, вы правда думаете, что мы этого не сможем слышать, когда станем старше?

—Слышать-то вы всё будете,— ответила Мэри Поппинс,— но понимать перестанете.

При этих словах Барби жалобно заплакала. У Джона тоже навернулись слёзы на глаза.

—Ничего не поделаешь. Так уж полагается,— сказала Мэри Поппинс назидательно.

—Ай-ай-ай, вот стыд!— насмеялся Скворец.— Плаксы-ваксы! Разревелись! У невылупившегося скворчонка и то больше ума! Как не стыдно хлюпать!

И действительно, Джон и Барби теперь рыдали во весь голос, захлебываясь горькими слезами.

Тут дверь распахнулась, и в детскую вошла миссис Бэнкс.

—Мне показалось, малыши плачут,— сказала она и подбежала к Близнецам.— Что случилось, мои крошечки? Ах вы мои ненаглядные, мои солнышки, мои золотые птички! Что с вами? Почему они так плачут, Мэри Поппинс? Весь день они были такие тихие, спокойные! Что-нибудь случилось?

—Да, мэм. Нет, мэм. Мне кажется, у них режутся зубки, мэм,— говорила Мэри Поппинс, нарочно не глядя на Скворца.

—Ах да, конечно!— просияла миссис Бэнкс.

—Не желаю я никаких зубок, если из-за них всё забуду! Всё, что люблю на свете!— вопил Джон, извиваясь под одеялом.

—И я не хочу!— рыдала Барби, зарываясь лицом в подушку.

—Ах вы мои бедняжечки, мои лапочки! Всё будет хорошо! Лишь бы эти противные зубищи скорей прорезались,— утешала их миссис Бэнкс, переходя от кровати к кровати.

—Не понимаешь ты!— яростно вопил Джон.— Не надо мне никаких зубов!

—Всё будет плохо, а совсем не хорошо!— плакала в подушку Барби.

—Да-да-да! Не надо плакать! Мамочка знает. Мамочка всё-о-о знает. Мамочка понимает. Всё будет хорошо, когда зубки прорежутся,— ворковала миссис Бэнкс.

С окна донёлся слабый звук. Это Скворец с трудом подавил смех. Мэри Поппинс строго поглядела на него. Он опомнился и принял серьёзный вид.

А миссис Бэнкс нежно гладила своих Близнецов, то одного, то другую, продолжая бормотать ласковые слова, которые должны были, по её мнению, их утешить.

И вдруг Джон перестал плакать.

Он был хорошо воспитанный мальчик, любил свою маму и сознавал свой долг перед ней. «Ведь она не виновата, бедняжка, что всегда говорит не то. Она просто-напросто ничего не понимает»,— размышлял он. И вот, чтобы показать, что он на неё не сердится, он перевернулся на спину и меланхолично, глотая слёзы, взял правую ногу обеими руками и засунул её в рот.

—Ах ты умница, ах ты мой умница!— в восторге приговаривала мама.

Он повторил это упражнение, и она была в восхищении.

Тогда Барби, не желая уступать ему в любезности, поднялась с подушки и, хотя её лицо было мокро от слёз, села и стащила оба носка сразу.

—Чудо, а не девочка!— с гордостью сказала миссис Бэнкс и поцеловала её.— Ну, вот видите, Мэри Поппинс! Вот всё и хорошо! Я всегда знаю, как их утешить. Всё хорошо, всё хорошо!— повторяла миссис Бэнкс, словно напевая колыбельную.— И зубки скоро прорежутся.

—Да, мэм,— спокойно отвечала Мэри Поппинс.

И миссис Бэнкс, напоследок улыбнувшись Близнецам, вышла.

Едва дверь за ней закрылась, как Скворец разразился хохотом.

—Простите, что я не сдержался,— кричал он,— но, честное слово, это выше моих сил! Ну и сцена! Ну и сцена!

Джон не обратил на него внимания. Прижавшись лицом к решётке своей кровати, он тихо, яростно сказал Барби:

—Я не буду таким, как все! Не буду, и всё! Пусть они,— он мотнул головой в сторону Мэри Поппинс и Скворца,— говорят что хотят! Я никогда не забуду, никогда!

—И я тоже,— ответила Барби.— Никогда.

—Клянусь своим хвостом!— завопил Скворец, хлопая себя крыльями по бокам и покатываясь со смеху.— Нет, вы только послушайте! Как будто это от них зависит! Да ведь через месяц, два, самое большее через три они даже забудут, как меня зовут, дурачки! Глупые беспёрые кукушата! Ха-ха-ха!

Раздался новый взрыв смеха, и Скворец, взмахнув пёстрыми крылышками, вылетел в окошко.

Прошло не так уж много времени с тех пор.

Зубки после немалых страданий наконец прорезались, как полагается всем зубам, и Близнецы отпраздновали свой первый день рождения.

И как раз на другой день после торжества Скворец, который улетал на курорт, вернулся в Дом Номер Семнадцать по Вишнёвому переулку.

—Привет, привет, привет! Вот и мы!— весело пропищал он, приземляясь на подоконник и подскакивая при каждом «привете».— Ну, как тут поживает наша девочка?— развязно осведомился он у Мэри Поппинс, наклонив голову набок и разглядывая её своими весёлыми, блестящими, озорными глазами.

—Без вас не скучала!— отрезала Мэри Поппинс, надменно вскинув голову.

Скворец рассмеялся.

—Всё та же Мэри П.!— сказал он.— Ты не изменилась! Ну, а как остальные? Я имею в виду кукушат,— пояснил он и покосился на кроватку Барби.— Ну, Барбарина,— начал он сладким, заискивающим тоном,— найдётся что-нибудь сегодня для старого знакомого?

—Гули-гули!— отвечала Барби, продолжая жевать своё печенье.

Скворец, вздрогнув от неожиданности, подскочил к ней поближе.

—Я говорю,— повторил он отдельно,— найдётся что-нибудь для старого приятеля, дорогая Барби?

—Ляп-тяп-тяп,— пролепетала Барби, глядя в потолок и доедая последнюю сладкую крошку.

Скворец уставился на неё.

—Ай-ай-ай!— сказал он наконец и, обернувшись, вопросительно посмотрел на Мэри Поппинс.

Они обменялись долгим взглядом.

Скворец перепорхнул на кровать Джона и уселся на перила решётки. Джон играл с большим пушистым игрушечным ягнёнком.

—Как меня зовут? Как меня зовут? Как меня зовут?— прокричал Скворец пронзительно и тревожно.

—Аф-тя-тя!— сказал Джон, открыв рот и засовывая туда ногу ягнёнка.

Слегка покачав головой, Скворец отвернулся.

—Значит, уже,— сказал он негромко Мэри Поппинс.

Она кивнула.

Скворец минутку уныло смотрел на Близнецов, потом пожал пёстрыми плечами.

—Ну конечно, я же знал, что так будет. Всегда говорил им. Но они не желали верить.

Он немного помолчал, глядя на кровати. Потом энергично встряхнулся.

—Ну что ж, ну что ж. Мне пора. Труба нуждается в генеральной уборке, я уверен.

Он перелетел на подоконник и, на минуту задержавшись там, оглянулся.

—А странно будет без них всё-таки. Всегда любил с ними поболтать. Да, любил. Мне будет их не хватать.

Он проворно обмахнул крылом глаза.

—Расплакался?— съязвила Мэри Поппинс.

Скворец выпрямился.

—Расплакался? Ничего подобного! У меня просто... м-м-м... небольшой насморк. Подхватил в дороге. Вот и всё. Да, небольшая простуда. Ничего страшного.

Он перескочил на наружный подоконник и оправил клювом перья на груди.

—Приветик!— крикнул он задорно, взмахнул крыльями и исчез...

Глава шестая. Миссис Корри

—Два фунта сосисок — высшего сорта,— сказала Мэри Поппинс.— И побыстрее, пожалуйста! Мы торопимся.

Мясник был толстый и добродушный человек в фартуке с синими и белыми полосками. Он был вдобавок большого роста, рыжий и сам очень походил на огромную сосиску. Наклонившись над прилавком, он с восхищением смотрел на Мэри Поппинс. Потом дружески подмигнул Джейн и Майклу.

—Торопитесь?— повторил он.— Жаль, очень жаль! А я надеялся, вы немного побудете, потолкуем о том о сём. Наш брат мясник любит компанию. Да только редко удаётся поговорить с такой хорошенькой молодой леди, как...— Тут он запнулся, потому что заметил выражение лица Мэри Поппинс. Оно было так

ужасно, что мясник от души пожелал, чтобы под полом его лавки был погреб и он мог туда провалиться.— Ну да,— сказал он, став ещё краснее обычного,— раз вы спешите, то конечно. Два фунта, вы сказали? Высший сорт? Будьте любезны!

И он поспешно подцепил длинную связку сосисок, висевших по всей лавке словно гирлянды. Отхватив порядочный кусок — с добрых полметра,— он уложил его наподобие венка и завернул сначала в белую, потом в коричневую бумагу. Свёрток он подвинул к Мэри Поппинс.

—Что ещё прикажете?— спросил он с робкой надеждой, всё ещё краснея.

—Ничего!— отрезала Мэри Поппинс.

Она взяла свёрток и покатила коляску к выходу с таким видом, что у мясника не осталось сомнений в том, что она смертельно оскорблена.

Но, проходя мимо витрины, она бросила на неё быстрый взгляд и полюбовалась своими новыми туфельками. Это были прелестные светло-коричневые замшевые туфли на двух пуговках, необыкновенно изящные...

Джейн и Майкл двигались у неё в кильватере, размышляя о том, когда же список покупок кончится, но не осмеливаясь спросить — такое у неё было выражение.

Мэри Поппинс огляделась, словно в задумчивости, и, приняв внезапное решение, властно объявила:

—Рыбная лавка!

Коляска покатила к соседнему магазину.

—Одну камбалу, полтора фунта палтуса, пинту креветок и омара,— проговорила Мэри Поппинс с такой скоростью, что только тот, кто давно привык к таким распоряжениям, мог что-нибудь понять.

Рыбник, в отличие от мясника, был высокий, худой человек — настолько худой, что, казалось, у него совсем нет фаса, а только два профиля. И вид у него был такой грустный, что вы не сомневались: он или только что плакал, или вот-вот собирается заплакать.

Джейн предполагала, что у него в юности было тайное горе, а Майкл считал, что рыбника в детстве держали на хлебе и воде и он никак не может об этом позабыть.

—Что-нибудь ещё?— безнадежно спросил рыбник голосом, который свидетельствовал о том, что он не ждёт ничего хорошего.

—В следующий раз,— отвечала Мэри Поппинс.

Рыбник грустно покачал головой и ничуть не удивился.

Он заранее знал, что больше ничего не потребуется.

Тихонько вздыхая, он завязал покупку и положил её в коляску.

—Скверная погода,— заметил он, вытирая глаза рукой.— Похоже, что лета у нас совсем не будет. Да его, в сущности, никогда и не бывало. У вас тоже не слишком цветущий вид,— обратился он к Мэри Поппинс.— Это, правда, неудивительно.

Мэри Поппинс вздёрнула голову.

—На себя оглянитесь!— сказала она сердито и устремилась к выходу с такой быстротой, что коляска налетела на бочонок с устрицами.— Какая глупость!— произнесла она, глянув на свои туфли.— Не слишком цветущий вид — это в новых коричневых замшевых туфельках с двумя пуговками! Какая чушь!— казалось, подумала она вслух.

На тротуаре она остановилась и взглянула на список покупок, вычёркивая то, что было уже куплено.

Майкл постоял сначала на одной ножке, потом на другой.

—Мэри Поппинс, мы, что ли, никогда не пойдём домой?— спросил он капризным тоном.

Мэри Поппинс обернулась и посмотрела на него крайне неодобрительно.

—Это уж как выйдет!— сказала она коротко.

Она аккуратно сложила список, а Майкл в душе сильно пожалел, что осмелился открыть рот.

—Ты можешь идти домой, если тебе угодно,— продолжала она надменно,— а мы пойдём покупать имбирные пряники!

У Майкла вытянулось лицо. Ну почему он не сумел промолчать! Если бы он знал заранее, что список заканчивался имбирными пряниками!

—Тебе туда,— сухо сказала Мэри Поппинс, махнув рукой в направлении Вишнёвого переулка.— Смотри не заблудись.

—Нет, нет, Мэри Поппинс, пожалуйста! Я ведь просто так! Я... Мэри Поппинс, пожалуйста!— взмолился Майкл, чуть не плача.

—Ну, пусть он пойдёт с нами, Мэри Поппинс,— вступилась Джейн.— Я повезу коляску, только возьмите его с нами!

Мэри Поппинс фыркнула.

—Не будь сегодня пятница,— сказала она Майклу строго,— ты бы сей секунд отправился домой. Сей секунд!

Она решительно двинулась вперёд, толкая коляску с Близнецами и покупками. Джейн с Майклом, понявшие, что она смилостивилась, поплелись за ней, пытаются отгадать, что ж такое значит «сей секунд». Вдруг Джейн заметила, что они идут совсем не в том направлении.

—Мэри Поппинс, вы ведь сказали, мы идём за имбирными пряниками, а в кондитерскую совсем наоборот,— начала она, но замолкла.

Мэри Поппинс посмотрела на неё.

—Кому поручено сделать покупки — мне или тебе?— спросила она.

—Вам,— ответила Джейн очень жалобным голосом.

—Ах, правда? А я думала — совсем наоборот!— саркастически засмеялась Мэри Поппинс.

Она слегка подтолкнула коляску, та повернулась на месте и вдруг остановилась. Джейн и Майкл тоже остановились как вкопанные. Они оказались у входа в очень, очень странную кондитерскую.

Ребята никогда не видали такой маленькой и грязной лавчонки. В витринах её висели выгоревшие цветные бумажные ленты, на полках — облезлые коробочки с рахат-лукумом, запалённые палочки лакрицы и очень старые, очень сморщенные райские яблочки. Между окнами был маленький, тёмный вход; туда Мэри Поппинс и покатила коляску. Джейн с Майклом вошли за ней.

В лавке было сумрачно, но ребятам удалось разглядеть, что целых три стены занимает остеклённый прилавок.

А под стеклом лежали пряники. На каждом прянике была позолоченная звезда. Их было столько, что казалось, они-то и освещают лавку слабым мерцающим светом.

Джейн и Майкл оглянулись, недоумевая, где же продавец в этой странной лавке.

К их большому удивлению, Мэри Поппинс позвала:

—Фанни! Анни! Где вы?

И не успел отзвучать её голос, эхом отразившийся от тёмных стен, как словно из-под земли выросли две колоссальнейшие женские фигуры. Две громадные женщины, наклонившись над прилавком, пожали руку Мэри Поппинс и ребятам и сказали «здрассте» страшным басом.

—Здравствуйте, мисс...— Майкл сделал паузу, не зная, кого из дам как зовут.— Как поживаете?

—Меня звать Фанни,— сказала одна из них.— Ревматизм всё мучит, спасибо за внимание.

Говорила она очень грустно и робко, словно не привыкла к тому, чтобы с ней были так вежливы.

—Прекрасная погода,— вежливо начала светскую беседу Джейн с другой сестрой, которая удерживала её руку в своей гигантской лапище добрую минуту.

—Я буду Анни,— жалобно сообщила та.— А вообще — хвали день к вечеру,— добавила она ни с того ни с сего.

Джейн с Майклом подумали, что у сестёр довольно странная манера выражаться, но им не пришлось долго удивляться, потому что мисс Фанни и мисс Анни протянули свои ручищи к коляске, и каждая торжественно обменялась рукопожатием с одним из Близнецов.

Близнецы выразили своё изумление, громко заплакав.

—Ну-ну-ну! Что такое, что такое?

Тоненький, пискливый, надтреснутый голосок послышался откуда-то из глубины лавки. И при первых его звуках выражение лиц мисс Анни и мисс Фанни, и без того унылое, стало ещё печальнее. У них был страшно перепуганный вид; Майклу с Джейн почему-то показалось, что великанши очень бы хотели стать маленькими и совсем незаметными.

—Что я такое слышу?— продолжал, приближаясь, забавный пискливый голосок.

И вот откуда-то из-за угла показалась его обладательница. Это была крошечная, тоненькая, хрупкая старушка, древняя-древняя, с жидкими седыми волосами, сморщенным, высохшим личиком и на тоненьких, как палочки, ножках. Наверно, самая старая на свете, подумали ребята. Но, как ни удивительно, она побежала к ним навстречу легко и весело, словно юная девушка.

—Ну-ну-ну! Вот это да! Неужели это сама Мэри Поппинс с Джоном и Барбарой Бэнкс? Как, Джейн и Майкл тоже здесь? Вот это действительно приятный сюрприз! Я вас уверяю — у меня не было такого сюрприза с тех пор, как Христофор Колумб открыл Америку! Клянусь!

Она радостно улыбалась, и её маленькие ножки в крошечных старомодных ботиночках слегка пританцовывали.

Старушка подбежала к коляске, слегка покачала её и сделала Близнецам козу своими тоненькими, скрюченными от старости пальчиками. Джон и Барби почти сразу же перестали плакать и заулыбались.

—Так-то лучше,— сказала она, весело посмеиваясь.

Потом она сделала очень странную вещь.

Она отломила у себя два пальца и подала их Джону и Барби.

А ещё более странно было то, что на месте отломленных пальцев немедленно выросли новые.

Джейн и Майкл видели это совершенно ясно.

—Просто постный сахар — это им не повредит,— пояснила старушка.

—Всё, что вы им дадите, миссис Корри, может только пойти им на пользу,— сказала Мэри Поппинс с неожиданной любезностью.

—Лучше бы это были мятные конфеты,— не удержался Майкл.

—А иногда так и бывает!— торжествующе отвечала миссис Корри.— И очень вкусные, кстати! Я часто их сама сосу, если мне ночью не спится. Весьма полезно для пищеварения.

—А чем они будут в следующий раз?— спросила Джейн, глядя с неподдельным интересом на пальцы миссис Корри.

—Вот-вот!— сказала миссис Корри.— В том- то и всё дело! Я никогда не знаю заранее, во что они превратятся! Пробую наудачу, как сказал при мне Вильгельм Завоеватель своей мамаше, когда она советовала ему не пытаться завоевать Англию.

—Вы, наверно, очень-очень старая,— сказала Джейн, завистливо вздыхая и думая, сможет ли она когда-нибудь запомнить то, что помнит миссис Корри.

Миссис Корри, закинув свою седую, головку, залилась визгливым смехом.

—Старая!— сказала она наконец.— По сравнению с моей бабушкой я просто цыплёнок. Вот она действительно старая женщина, если хотите. Но, конечно, и я кое-что повидала на своём веку! Помню, например, как создавался этот мир,—

ведь я в ту пору была уже далеко не девочка! Господи боже, ну и суматоха была тогда, доложу я вам!

Внезапно она оборвала и пронзительно посмотрела на ребят.

—Батюшки, что же это я тут болтаю, а вас никто не обслуживает! Я думаю, моя дорогая,— обратилась она к Мэри Поппинс тоном старой знакомой,— я полагаю, вы все пришли за имбирными пряниками?

—Вы правы, миссис Корри,— вежливо ответила Мэри Поппинс.

—Отлично! Фанни и Анни уже дали вам их?

При этих словах она посмотрела на Джейн и Майкла.

Джейн покачала головой.

Из-за прилавка послышались робкие голоса.

—Нет, мама,— проямлила мисс Фанни.

—Мы как раз собирались, мамочка,— начала мисс Анни испуганным шёпотом.

Тут миссис Корри неожиданно выпрямилась и свирепо уставилась на своих великанш-дочерей. Потом она сказала сладким, яростным, наводящим ужас голосом:

—Ах, вы собирались? Так-так! Интересно! А кто, позвольте спросить, милая Анни, разрешил вам раздавать мои пряники?

—Никто, мамочка! Но ведь я же не раздавала! Я только подумала...

—Она только подумала! Очень мило! Будь, пожалуйста, добра не думать! У меня, слава богу, у самой ума хватает!— сказала миссис Корри тем же ядовито-сладким тоном и вдруг разразилась злым смехом: — Эй, глядите! Все глядите!

Плакса-вакса! Рёва-корова!— пищала она, показывая своим узловатым пальцем на дочь.

Джейн с Майклом обернулись. Большущая слеза ползла по унылому лицу великанши... Дети ничего не сказали, так как миссис Корри, несмотря на свой

малый рост, внушала им почтение и трепет. Но как только она отвернулась, Джейн молча протянула мисс Анни свой платок. Гигантская слезища промочила его насквозь, и мисс Анни, поблагодарив Джейн взглядом, выжала платок, прежде чем вернуть его хозяйке.

—А ты, Фанни, ты, интересно, тоже думала, а?

—Нет, мамочка,— трепеща, ответила мисс Фанни.

—Хм! Тем лучше для тебя! Открой ящик!

Дрожащими, неловкими от страха руками мисс Фанни открыла одно из отделений стеклянного прилавка.

—Пожалуйста, мои дорогие,— обратилась миссис Корри к Джейн и Майклу совсем другим тоном.

Она так улыбалась и так ласково поманила их, что ребятам даже стало стыдно за свой страх перед ней. Наверно, она всё-таки очень добрая, подумали они.

—Ну, что же вы, мои цыплятки, не идёте и не берёте свои зёрнышки? Сегодня они испечены по особому способу, по рецепту, который мне дал Альфред Великий. Он был очень хорошим кондитером, должна я вам сказать, хотя, помнится, однажды пряники у него пригорели. Сколько прикажете?

Джейн с Майклом, как по команде, взглянули на Мэри Поппинс.

—Каждому по четыре,— сказала она.— Итого двенадцать. Дюжина.

—Пусть будет чёртова дюжина — тринадцать,— весело сказала миссис Корри.

И вот у ребят оказалось по целой охапке большущих пряников, и каждый пряник был украшен позолоченной звёздочкой. Майкл, не удержавшись от соблазна, тут же отгрыз уголок одного пряника.

—Вкусно?— пискнула миссис Корри, и, когда Майкл кивнул, она подобрала юбку и пустилась в пляс от радости.— Ура, отлично, ура, ура!— кричала она тоненьким голоском. Потом, сделав несколько па, она остановилась и вдруг стала

серьёзной.— Имейте в виду — я не раздаю даром свои пряники! Нужны денежки, денежки! С каждого по три пенса!

Мэри Поппинс достала из кошелька три трёхпенсовика. Она дала по монетке Джейн и Майклу.

—Ну, что же вы?— сказала миссис Корри.— Прилепите их к моему платью. Так полагается.

Ребята тут только заметили, что всё её длинное чёрное платье было усыпано трёхпенсовиками, как клоунский наряд блёстками.

—Смелее, смелее! Прилепите их!— нетерпеливо повторила миссис Корри, заранее потирая ручки в приятном ожидании.— Увидите — они не упадут!

Мэри Поппинс шагнула вперёд и прижала монетку к вороту платья миссис Корри.

К удивлению Майкла и Джейн, монетка прилипла.

Тогда ребята прилепили свои трёхпенсовики — Джейн к правому плечу, Майкл в самом центре. Они тоже прилипли.

—Вот чудеса!— сказала Джейн.

—Ничего особенного, дорогая,— хихикнула миссис Корри.— Во всяком случае, по сравнению с кое-чем другим. Но об этом помалкиваем!— Она подмигнула Мэри Поппинс.

—Нам, к сожалению, пора, миссис Корри,— сказала Мэри Поппинс.— Надо сегодня испечь к обеду драчёну, значит, я должна быть дома вовремя. Эта наша миссис Брилл...

—Плохая кухарка?— переспросила миссис Корри.

—«Плохая»!— с презрением повторила Мэри Поппинс.— Мало сказать — плохая!

—Ага!— Миссис Корри приставила палец к носу с необыкновенно мудрым видом. Потом она сказала: — Ну что ж, дорогая мисс Поппинс, это был очень приятный визит, и я уверена, мои девочки получили не меньше удовольствия, чем я сама.

Она кивнула в сторону своих громадных, унылых «девочек».

—И я надеюсь, вы скоро все придёте опять, не правда ли? И пряники вы не растеряете?

Ребята кивнули.

Тут миссис Корри придвинулась к ним поближе с очень важным и таинственным видом.

—Хотела бы я только знать,— начала она задумчиво,— что вы сделаете с бумажными звёздочками?

—Мы их собираем,— отвечала Джейн.— Все-все!

—Ага! Вы их собираете. А интересно, где вы их держите?

Глаза миссис Корри были полузакрыты, но смотрели ещё внимательнее, чем обычно.

—Ну,— сказала Джейн,— я прячу их в верхний левый ящик комода, под носовыми платками. И...

—А я — в коробку из-под ботинок, на нижней полке гардероба,— сказал Майкл.

—Верхний левый ящик и коробка из-под ботинок в гардеробе,— повторила задумчиво миссис Корри, словно стараясь заучить эти слова.

Потом она многозначительно поглядела Мэри Поппинс в глаза и кивнула головой. Мэри Поппинс тоже кивнула в ответ. Казалось, они о чём-то втайне договорились.

—Да,— сказала миссис Корри радостно,— это очень-очень интересно! Вы даже не представляете, как я была рада узнать, что вы бережёте свои звёздочки. Я об этом не забуду. Я, видите ли, помню всё — даже то, что было у Гая Фокса на обед каждое второе воскресенье. А теперь — до свиданья! Приходите поскорей! Приходите поско-о-о-рей!

Голосок миссис Корри звучал всё тише и тише, и внезапно, не очень понимая, что происходит, Джейн с Майклом оказались на тротуаре. Они шагали за Мэри Поппинс, которая снова изучала свой список покупок.

Ребята оглянулись.

—Джейн!— сказал Майкл удивлённо.— А её нет!

—Правда!— сказала Джейн, озираясь.

И это была правда. Кондитерской больше не было. Она исчезла.

—Странно!— сказала Джейн.

—Ещё бы!— сказал Майкл.— Но пряники очень вкусные!

И это тоже была правда.

И ребята так увлеклись пряниками, стараясь выгрызть из них фигурки — человечка, цветок, чайник,— что позабыли и думать о том, насколько всё это было странно.

Но им пришлось об этом вспомнить в ту же ночь, когда свет погасили и предполагалось, что ребята спят сладким сном.

—Джейн, Джейн!— шёпотом позвал Майкл.— Кто-то идёт на цыпочках по лестнице! Слушай!

—Тс-с!— зашипела Джейн. Она тоже услышала чьи-то шаги.

Тут дверь осторожно отворилась, и кто-то вошёл в комнату.

Это была Мэри Поппинс — в пальто и шляпе, совершенно готовая к выходу.

Она бесшумно прошла по комнате, двигаясь быстро, но очень осторожно.

Джейн и Майкл наблюдали за ней, не шевелясь, только чуть приоткрыв глаза.

Она подошла к комоду, открыла какой-то ящик и почти сразу опять закрыла его.

Затем она на цыпочках подошла к гардеробу, открыла его, наклонилась и что-то туда положила, а может быть, взяла (ребята не разглядели).

Дверь гардероба чуть слышно хлопнула, и Мэри Поппинс выбежала из комнаты.

Майкл сел.

—Что она делала?— громким шёпотом спросил он у Джейн.

—Не знаю. Может, она забыла перчатки, или туфли, или...— Джейн внезапно замолчала.— Майкл, слушай!

Снизу — кажется, из сада — доносились чьи-то голоса. Казалось, там о чём-то спорили.

Джейн пулей вылетела из постели и подозвала Майкла. Босиком ребята подбежали к окну и выглянули в сад.

В переулке, перед самой их калиткой, виднелись три фигуры — одна крошечная и две громадные.

—Это миссис Корри, Фанни и Анни!— шепнула Джейн.

Странная это была картина! Маленькая миссис Корри подпрыгивала, пытаясь заглянуть через ограду; на могучем плече мисс Фанни раскачивались две длинные-предлинные лестницы, а у мисс Анни в одной руке было большущее ведро с чем-то вроде клея, а в другой — громаднейшая малярная кисть.

Детям, спрятавшимся за занавеской, были отчётливо слышны их голоса.

—Она опаздывает!— полусердито, полузабоченно сказала миссис Корри.

—А может,— робко начала мисс Фанни, поправляя лестницы на плече,— может, кто-нибудь из ребят захворал и она не смогла...

—...уйти вовремя,— испуганно закончила мисс Анни фразу сестры.

—Молчать!— свирепо скомандовала миссис Корри.

Ребята ясно услышали, как она шепчет что-то о «бестолковых жирафах», и они сразу догадались, что старушка имеет в виду своих злосчастных дочерей.

—Ш-ш!— вдруг сказала миссис Корри, хотя все, кроме неё, молчали. Наклонив голову набок, как птичка, она к чему-то прислушивалась.

Тихо отворилась и опять захлопнулась входная дверь Дома Номер Семнадцать, в саду послышались чьи-то шаги. Миссис Корри радостно замахала рукой. По дорожке шла Мэри Поппинс с корзинкой для покупок, в которой что-то светилось слабым, таинственным светом.

—Скорей, скорей, скорей! У нас мало времени!— сказала миссис Корри, взяв Мэри Поппинс под руку.— Веселее вы, дылды!

И она двинулась вперёд, сопровождаемая мисс Фанни и мисс Анни, которые несомненно старались выглядеть веселее, но не очень в этом преуспевали. Они уныло плелись вслед за своей матерью и Мэри Поппинс, сгибаясь под тяжестью груза.

Все трое шли в конец переулка, к Вишнёвому Холму.

Дойдя до вершины холма, где уже не было домов, а только трава и кусты, вся группа остановилась.

Мисс Анни поставила своё ведро с клеем, а мисс Фанни сбросила с плеча лестницы и с помощью сестры установила их вертикально. Одну из лестниц придерживала она сама, другую — мисс Анни.

—Что они собираются делать?— вырвалось у Майкла.

Он был вне себя от удивления.

Но Джейн не пришлось ему отвечать, потому что он тут же получил наглядный ответ на свой вопрос.

Как только мисс Фанни и мисс Анни установили лестницы так, что они, казалось, стояли одним концом на земле, а другим упирались в небеса, миссис Корри,

подхватив одной рукой юбку и кисть, а другой — ведро с клеем, принялась карабкаться по лестнице. Мэри Поппинс со своей корзинкой полезла по другой.

И тут Джейн с Майклом увидели нечто совершенно поразительное. Забравшись на самый верх, миссис Корри обмакнула кисть в ведро и принялась мазать клеем небесный свод!

Мэри Поппинс достала из своей корзинки что-то блестящее и прилепила на намазанное место.

Когда же она убрала на минуту руку, ребята увидели, что она наклеивает на небо пряничные звёзды!

И каждая звезда, попав на место, начинала изо всех сил мерцать и сиять, рассыпая во все концы золотистые лучи искристого света!

—Это наши!— задохнулся от волнения Майкл.— Наши звёзды! Она думала, мы спим, и пришла и унесла их!

Джейн молчала. Она была слишком захвачена зрелищем.

Миссис Корри неумоимо мазала небеса клеем, Мэри Поппинс приклеивала звёзды, а мисс Фанни и мисс Анни передвигали лестницы по мере того, как пустые места на небе заполнялись.

Наконец всё было закончено.

Мэри Поппинс встряхнула свою корзинку, показывая миссис Корри, что там больше не осталось ни одной звезды.

Обе спустились, и процессия снова тронулась в путь; мисс Фанни — с лестницами на плече, мисс Анни — размахивая опорожненным ведром.

На углу они на минуту остановились и о чём-то поговорили; Мэри Поппинс обменялась со всеми рукопожатием и помчалась по переулку; миссис Корри, слегка пританцовывая, двинулась в противоположную сторону.

Скоро и её крошечная фигурка, и громадные фигуры её дочерей, тяжело ступавших за ней следом, растаяли в темноте.

Садовая калитка хлопнула. По дорожке заскрипели шаги. Входная дверь отворилась, щёлкнул замок. Тихие шаги Мэри Поппинс послышались на лестнице; она на цыпочках прошла по детской и ушла в спальню к Барби и Джону.

Когда её шаги затихли, Джейн и Майкл, переглянувшись, молча отправились к комоду. Они открыли верхний левый ящик и заглянули туда.

Там ничего не было, кроме стопки носовых платков Джейн.

—Что я говорил!— сказал Майкл.

Ребята обследовали гардероб. Коробка из-под ботинок также была пуста.

—Да как же это так? Как же так?— пробормотал Майкл, усаживаясь на край кровати и глядя на Джейн.

Но Джейн ничего не сказала. Она просто села рядом с ним, обхватив руками колени, и глубоко-глубоко задумалась. Наконец она тряхнула волосами, потянулась и встала.

—Я хочу знать только одно,— сказала она,— звёзды ли делают из золочёной бумаги или золочёную бумагу из звёзд?

Ответа на её вопрос не последовало, да она его и не ожидала. Она знала, что правильно ответить на него может только тот, кто гораздо, гораздо умнее Майкла...

Глава седьмая. Полнолуние

Весь день напролёт Мэри Поппинс спешила, а когда она спешила, она всегда сердилась.

Всё, что делала Джейн, было плохо, всё, что делал Майкл, было ещё хуже. Она покрикивала даже на Близнецов.

Джейн с Майклом старались как можно меньше попадаться ей на глаза: они уже знали — бывают минуты, когда лучше, чтобы Мэри Поппинс тебя не видела и не слышала.

—Хорошо бы мы были невидимками!— сказал Майкл, после того как Мэри Поппинс заявила, что один его вид может вывести из терпения всякого уважающего себя человека.

—Очень просто,— сказала Джейн,— давай спрячемся за диван. Посчитаем пока, сколько у нас денег в копилках, а после ужина она, может быть, станет добрее. Так они и сделали.

—Шесть и четыре пенса — это десять, и ещё полпенни и трёхпенсовик,— сказала Джейн. Она считала быстро.

—А у меня четыре пенни и три фартинга, и... и вот и всё,— вздохнул Майкл, сложив монетки столбиком.

—В кружку для бедных?— фыркнула Мэри Поппинс, заглянув за диван.

—Нет, для меня!— обиженно ответил Майкл.— Это сбережения. Я столько накопил.

—Гм! Наверно, опять на какой-нибудь сумалёт!— с презрением сказала Мэри Поппинс.

—Нет, на слона: мне очень нужен свой слон. Как Лиззи в Зоопарке, только совсем свой. Я тебя буду на нём катать,— сказал Майкл, глядя в сторону, но всё-таки уголком глаза следя за Мэри Поппинс, чтобы выяснить, как она отнесётся к этому предложению.

—Хм! Тоже придумал!— сказала Мэри Поппинс. Но было заметно, что она уже не так сердится.

—Интересно,— сказал Майкл задумчиво,— что бывает в Зоопарке ночью, когда все уходят домой?

—Много будешь знать, скоро состаришься,— огрызнулась Мэри Поппинс.

—Так ведь я же не знаю, я просто спрашиваю,— пояснил Майкл.— А вы знаете?— спросил он Мэри Поппинс, которая тем временем с удвоенной быстротой сметала крошки со стола.

—Ещё один вопрос — и будет марш в кровать!— ответила она и принялась убирать детскую так яростно, что стала похожа скорее на смерч в косынке и фартуке, чем на человека.

—Бесполезно её спрашивать,— шепнула Джейн.— Она всё знает, а ничего не скажет!

—А зачем тогда знать, если ты никому не говоришь!— проворчал Майкл, но так тихо, что даже Мэри Поппинс не услышала...

Джейн и Майкл не могли припомнить, чтобы их когда-нибудь укладывали спать так спешно, как в этот вечер. Мэри Поппинс погасила свет очень рано и умчалась с такой быстротой, словно все ветры земли дули ей в спину.

Им показалось, что не прошло и минуты после её ухода, как они услышали за дверью чей-то шёпот.

—Джейн, Майкл, скорей!— шептал чей-то голос.— Наденьте что-нибудь — и бегом!

Ребята выскочили из постелей, страшно удивлённые.

—Пошли!— сказала Джейн.— Будет что-то интересное!

И она начала искать в темноте платье.

—Скорей!— опять повторил голос.

—О господи, ничего не могу найти, кроме матросской шапки и перчаток!— сказал Майкл. Он метался по комнате, стуча ящиками и лихорадочно обшаривая полки.

—Ну и хватит. Надевай! Сейчас не холодно. Пошли!

Сама Джейн разыскала только маленькое пальтишко Джона. Ей кое-как удалось в него втиснуться.

Она открыла дверь. За дверью не было никого, но ребятам показалось, что кто-то быстро-быстро бежит вниз по лестнице. Джейн и Майкл помчались вдогонку.

Но кто бы или что бы это ни было, его не удавалось ни догнать, ни даже увидеть.

Однако ребята ясно чувствовали, что кто-то указывает им дорогу и велит следовать за собой.

Они уже бежали по пустынному переулку; слышалось только, как шлёпают их туфли по мостовой.

—Скорей!— вновь поторопил их голос из-за ближайшего угла; но, свернув за угол, они опять никого не увидели. Следуя за голосом, ребята бежали изо всей мочи по улицам, аллеям, площадям, по парку и наконец остановились перед большим турникетом в высокой ограде.

—Вы пришли!— сказал голос.

—Куда?— крикнул Майкл.

Но ответа не последовало. Джейн подошла к турникету, держа Майкла за руку.

—Смотри!— сказала она.— Разве не видишь? Это же Зоопарк!

Полная луна очень ярко светила в небесах; при её свете Майкл ясно различил железную решётку и заглянул внутрь. Конечно! Как же это он мог не узнать ограды Зоопарка!

—А как же мы войдём?— спросил он.— У нас нет денег!

—Не беспокойся!— ответил кто-то из-за ограды ворчливым басом.—

Приглашённые входят сегодня ночью бесплатно. Толкни турникет, пожалуйста!

Джейн с Майклом послушались и в один миг оказались в Зоопарке.

—Вот ваши билеты,— сказал бас, и, осмотревшись, они увидели, что он принадлежит огромному Бурому Медведю, одетому в форменную куртку с медными пуговицами и фуражку. В лапе он держал два розовых билетика, которые и протянул ребятам.

—А раньше мы всегда отдавали контролёру билеты,— сказала Джейн.

—Что было раньше, то было раньше. А сегодня получайте!— сказал Медведь, улыбаясь,

Майкл разглядывал Медведя.

—А я вас знаю,— сказал он Медведю.— Я один раз дал вам банку сиропа.

—Правильно,— согласился Медведь.— И ты забыл её открыть. Знаешь, сколько времени я её открывал? Десять дней! Пожалуйста, в следующий раз будь повнимательней!

—А почему вы не в клетке? Вас всегда выпускают по ночам?— спросил Майкл.

—Нет. Только когда День Рождения приходится на полнолуние. Но извините, мне некогда. Я должен наблюдать за входом.

И Медведь отвернулся от них и снова начал вертеть рукоятку турникета.

Джейн и Майкл, крепко сжимая свои билеты, пошли по дорожке.

В ярком свете полной луны было отчётливо видно каждое дерево, каждый кустик и цветок.

—Тут что-то такое творится,— сказал Майкл.

И несомненно он был прав. По всем дорожкам бегали звери, а кое-где и птицы.

Два Волка промчались мимо ребят, оживлённо беседуя на ходу с очень высоким Аистом, который семенил между ними, грациозно изгибая шею. Джейн и Майкл ясно слышали слова «День Рождения» и «Полнолуние», когда тройка поравнялась с ними.

Поодаль три Верблюда рядышком прогуливались по аллее, а неподалёку от них Бобёр о чём-то увлечённо разговаривал с Американским Кондором. И, как показалось ребятам, все обсуждали один и тот же вопрос.

—Чей это день рождения, интересно?— сказал Майкл.

Но Джейн уже ушла вперёд, залюбовавшись редкостным зрелищем.

Как раз перед Слоновником очень толстый старый джентльмен расхаживал взад и вперёд на четвереньках, а на его спине на двух маленьких скамеечках сидело восемь обезьянок.

—Батюшки! Всё вверх тормашками!— воскликнула Джейн.

Старый джентльмен посмотрел на неё очень сердито.

—Вверх тормашками!— повторил он.— Кто вверх тормашками? Я? Это оскорбление!

Обезьянки расхохотались.

—Ох, простите, я не про вас говорила, а про всё вообще!— объяснила Джейн, стараясь догнать старого джентльмена, чтобы извиниться.— Ведь обычно люди катаются на животных, а сегодня человек катает зверей. Вот что я хотела сказать.

Но старый джентльмен, пытая и отдуваясь, продолжал утверждать, что его оскорбили, и наконец скрылся из виду вместе с отчаянно вопившими обезьянами-пассажирами.

Увидев, что догонять его бесполезно, Джейн взяла Майкла за руку и пошла в другую сторону. Вдруг ребят остановил чей-то голос, раздавшийся у них почти из-под ног:

—Пойдите-ка сюда, эй вы! Оба, оба! Заходите! Посмотрим, как вы будете нырять за апельсиновой коркой, которая вам не нужна!

Это был сердитый, обиженный голос, и, присмотревшись, ребята увидели, что говорит маленький чёрный Тюлень, свирепо смотревший на них из залитого лунным светом бассейна.

—Давайте, давайте! Посмотрим, как это понравится вам!— настаивал Тюлень.

—Да ведь мы же не умеем плавать,— сказал Майкл.

—Ничем не могу помочь!— сказал Тюлень.— Надо было раньше думать! Меня ведь никто не спрашивал, умею я плавать или нет. А, что? Что такое?

Последние его слова были адресованы другому Тюленю, вынырнувшему рядом с ним из воды и что-то шептавшему ему на ухо.

—Кто?— сказал первый Тюлень.— Говори громче!

Второй Тюлень снова что-то зашептал. Джейн уловила слова: «Приглашённые гости...», «Друзья самой...» — и больше ничего.

Первый Тюлень, казалось, был разочарован, но тем не менее довольно вежливо сказал Джейн и Майклу:

—Ах, извините, пожалуйста! Рад с вами познакомиться.

Извините.— И он протянул свой ласт и обменялся с ребятами влажным рукопожатием.

В этот момент кто-то с разбегу налетел на Джейн.

—Ты что, ослеп?— крикнул Тюлень.— Надо смотреть, куда идёшь!

Джейн поспешно обернулась и так и подскочила от страха и изумления. Перед ней стоял огромный Лев!

Глаза Льва заблестели, когда он в свою очередь разглядел Джейн.

—Ох, простите!— начал он.— Я не знал, что это вы! Сегодня у нас тут такая толкотня и я так спешу поспеть к кормлению людей, что я, кажется, действительно не смотрю себе под ноги! Пойдёмте вместе, а? Не стоит пропускать это зрелище, знаете ли!

—Может быть, вы нас проводите?— сказала Джейн вежливо. Она немного побаивалась Льва, но он казался довольно добродушным. «А потом, сегодня всё вверх тормашками»,— думала она.

—С наслаждением!— протянул Лев сладким голосом и предложил ей лапу.

Она приняла её, но на всякий случай притянула Майкла поближе к себе. Майкл был толстенький, упитанный мальчик, а что ни говори, львы — это львы, думала Джейн.

—Хорошо выглядит моя грива?— спросил Лев, когда они тронулись в путь.— Я завил её ради торжественного случая.

Джейн поглядела. Грива действительно была напомажена и завита колечками.

—Очень,— сказала она.— Только... Только разве не странно Льву заниматься такими вещами? Я думала...

—Как? Милая барышня, Лев, как вам известно, царь зверей. Ему нельзя забывать о своём положении. И я лично не склонен забывать о нём. Я считаю, что Лев всегда должен отлично выглядеть, где бы он ни находился... Сюда, пожалуйста!

Величавым движением своей передней лапы он указал на вход в павильон крупных хищников и пропустил ребят вперёд.

При виде зрелища, которое им там представилось, у Джейн и Майкла захватило дыхание. Большой зал был битком набит зверями. Некоторые опирались на барьер, который отделял клетки от зрителей, некоторые стояли на скамьях, установленных ярусами напротив клеток. Тут были пантеры и ягуары, волки, тигры и антилопы, обезьяны и ежи, вомбаты, горные бараны и жирафы, а также громадная толпа чаек и коршунов.

—Блестяще, правда?— сказал Лев с гордостью.— Совсем как в добрые старые времена в джунглях! Только давайте пройдем вперёд — надо занять хорошие места.

И он принялся проталкиваться сквозь толпу, рыча: «Дорогу, дорогу!» — и волоча за собой Джейн с Майклом. Наконец они выбрались на чистое местечко и увидели клетки.

—Ого! Смотри-ка!— сказал Майкл, разинув рот.— Там полно людей!

Так и было.

В одной клетке двое тучных джентльменов средних лет в цилиндрах и полосатых брюках расхаживали взад и вперёд, напряжённо всматриваясь куда-то сквозь прутья решётки, словно они чего-то с нетерпением ожидали.

Дети всех возрастов и размеров, начиная с малышей в длинных платьицах, копошились в другой клетке. Звери-зрители рассматривали их с большим интересом, и некоторые из них пытались позабавить малышей, просовывая лапы или хвосты сквозь решётки. Жираф вытянул свою длинную шею над головами остальных зверей и позволил маленькому мальчику в матроске пощекотать ему нос.

В третьей клетке были заключены три пожилые дамы в плащах и галошах. Одна из них вязала, зато две остальные стояли у самой решётки, крича на зверей и тыкая в них своими зонтиками.

—Противные твари! Убирайтесь вон! Я хочу чаю!— кричала одна из них.

—Какая смешная!— говорили в толпе животных. Многие от души хохотали.

—Джейн, гляди!— крикнул Майкл, указывая на клетку в конце ряда.— Неужели это...

—Адмирал Бум!— закончила Джейн в изумлении.

И действительно, это был Адмирал Бум. Он носился взад и вперёд по всей клетке, кашляя, сморкаясь и брызжа слюной от ярости.

—Лопни моя селезёнка! Все к помпам! Земля, огой! Свистать всех наверх! Лопни моя селезёнка!— кричал Адмирал. Каждый раз, когда он слишком приближался к прутьям, какой-то Тигр легонько тыкал его палочкой, что неизменно вызывало бешеный взрыв адмиральских проклятий.

—Да как же они все туда попали?— спросила у Льва Джейн.

—Потерялись,— сказал Лев.— Вернее, растерялись. Есть такие посетители, которые остаются в парке, когда ворота запирают. Надо же их куда-то деть, вот мы

и посадили их сюда. Вот этот — он опасный! Недавно чуть не прикончил своего сторожа. Не подходите близко!— Лев показал на Адмирала Бума.

—Отойдите, отойдите, пожалуйста! Не толпитесь! Дайте дорогу, пожалуйста!— закричало несколько голосов.

—Ага! Сейчас начнётся кормление!— сказал Лев и принялся энергично пробираться вперёд сквозь толпу.— Вон идут сторожа!

Четыре Бурых Медведя, все в форменных фуражках, катили тележки с кормом по узенькому коридору, отделявшему клетки от зверей.

—А ну-ка, отойдите!— командовали они, когда какой-нибудь зверь-зритель мешал им пройти. Потом они открывали дверцу в клетку и подавали туда корм на вилах.

Джейн и Майкл протиснулись в просвет между Леопардом и Динго, и им было прекрасно видно всё, что происходит. Малышам в клетку бросали бутылочки с молоком; они хватали их ручонками и тут же к ним присасывались. Ребята постарше снимали с вилок пряники и кексы и принимались их жадно пожирать. Леди в галошах получили тарелки с бутербродиками и булочками, а толстяки в цилиндрах — бараньи котлеты и пудинг.

Эти последние, получив корм, унесли его в угол, расстелили на коленях своих полосатых брюк платки и принялись за еду.

Сторожа обошли уже почти весь ряд клеток, как послышался страшный рёв.

—Лопни мои кишки — это называется еда? Жалкий кусочек мяса и кочан капусты! А пудинг? Возмутительно! Позор! Якорь поднять! А где мой порт? Портвейн где, говорю? Свистать всех наверх! Эй вы там, в камбузе! Где адмиральский портвейн?!

—Слышите? Он взбесился! Я вам говорил — это опасный экземпляр!— сказал Лев.

Джейн и Майклу не нужно было объяснять, кого он имеет в виду. Они прекрасно изучили адмиральскую манеру выражаться.

—Ну-с, так,— сказал Лев, когда шум в павильоне несколько стих.— По-видимому, уже конец. И, с вашего разрешения, я вынужден вас покинуть. Надеюсь увидеться с вами попозже, на Большом Хороводе. Я вас разыщу.

Он проводил их к выходу, попрощался и умчался, потряхивая своей завитой гривой. Золотистая шерсть его так и блестела в лунном свете...

—Ах, погодите!— крикнула было ему вслед Джейн, но он уже скрылся из виду.— Я хотела спросить у него, выпускают их когда-нибудь или нет. Бедные люди! Ведь Джон и Барби или даже мы с тобой могли оказаться на их месте!..

Джейн обращалась к Майклу, но, обернувшись, обнаружила, что его нет рядом. Он незаметно свернул на боковую дорожку. Когда она догнала его, он разговаривал с каким-то Пингвином, у которого под одним крылом была зажата огромная тетрадь, а под другим — огромный карандаш. Пингвин стоял посреди дорожки и задумчиво грыз конец карандаша.

—Не могу придумать,— услышала она слова Майкла, видимо отвечавшего на какой-то вопрос.

Пингвин повернулся к Джейн.

—Может быть, вы мне поможете?— сказал он.— Какое слово рифмуется с «Мэри»? Я не могу сказать «двери» — не хочется повторяться, знаете ли. Много раз рифмовали. Если вы скажете «пери» — не нужно. Я уже сам об этом думал, но она на неё совсем не похожа, так что это не годится.

—«Звери»,— вдруг осенило Майкла.

—Хм! Недостаточно поэтично,— заметил Пингвин.

—А может быть, «потери»?— предложила Джейн.

—Ну...— Пингвин, по-видимому, размышлял.— Не очень хорошо, правда,— сказал он грустно.— Пожалуй, придётся и от этого отказаться... Я, понимаете ли, пытаюсь сочинить поздравительные стихи ко Дню Рождения. Мне показалось, что будет очень хорошо, если начать так: «О Мэри, Мэри...» и на этом я застрял. Очень обидно. От Пингвина, сами понимаете, ждут чего-нибудь оригинального, и не

хочется их разочаровывать. Ну что же, ладно... Не задерживайте меня — мне надо сосредоточиться.

И с этими словами он поспешно заковылял прочь, размахивая тетрадкой и продолжая грызть свой карандаш.

—У меня просто голова кругом идёт!— сказала Джейн.— Чей же это день рождения, интересно?

—Да идите же, дети, идите! Вы ведь, наверно, тоже хотите поздравить, и всё такое прочее,— раздался сзади чей-то голос, и, обернувшись, они увидели того самого Бурого Медведя, который вручил им билеты.

—Да, конечно,— ответила Джейн, сообразив, что, пожалуй, лучше не спорить, хотя она не имела никакого понятия о том, кого они должны поздравлять.

Бурый Медведь обнял ребят за плечи и повлёк их вперёд. Они чувствовали прикосновение его мягкой, тёплой шерсти; им было даже слышно, как в животе у него гудело, словно в бочке, когда он что-нибудь говорил...

—Ну, вот мы и пришли!— сказал Медведь, остановившись перед невысоким домиком.

Окна дома ярко светились. Можно было подумать, что на дворе не ночь, а белый день и сияет солнце.

Медведь отворил дверь и ласково подтолкнул ребят внутрь.

В первый момент яркий свет ослепил их, но скоро глаза привыкли к освещению, и дети поняли, что они в Террариуме. Все клетки были открыты, и змеи гуляли на воле — одни скользили по полу, другие лениво извивались и сворачивались клубком...

А в центре помещения, на большой колоде, которую, видимо, вытащили из какой-нибудь клетки, сидела, со всех сторон окружённая змеями, Мэри Поппинс.

Джейн и Майкл не поверили своим глазам.

—Ещё двое поздравителей, сударыня,— почтительно доложил Бурый Медведь.

Змеи с интересом обернулись к ребятам. Мэри Поппинс не шевельнулась. Зато она заговорила.

—А почему ты явился без пальто, хотела бы я знать?— строго спросила она, глядя на Майкла сердито, но без всякого удивления.— Где твоя шляпка и перчатки?— тем же тоном обратилась она к Джейн.

Но, прежде чем они успели раскрыть рот, по всему Террариуму прошло движение.

—Сссссссст! Ссссс!

Все змеи, негромко шипя, приподнялись на хвостах, кланяясь кому-то, кто был позади Джейн и Майкла. Бурый Медведь поспешно снял свою форменную фуражку. И Мэри Поппинс тоже медленно поднялась с места.

—Дитя моё! Моё дорогое дитя!— прозвучал тихий, нежный, свистящий голос, и из самой большой клетки неспеша, плавно извиваясь, выползла Королевская Кобра.

Она грациозно скользнула между склонившихся перед ней в поклоне змей, обогнула стоявшего на дороге Медведя и направилась прямо к Мэри Поппинс. Приблизившись к ней, Кобра подняла в воздух добрую половину своего длинного золотистого тела и, раздув чешуйчатый, отливающий золотом клубок, нежно поцеловала Мэри — сначала в одну, потом в другую щёку.

—Ссердечно поззздравляю,— нежно прошипела она.— Я оччень, оччень счастлива! Давно уже твой День Рождения не выпадал на полнолуние, дорогая!

Кобра повернула голову.

—Сссадитесь, друзззья!— сказала она, величаво поклонившись остальным змеям, и по её слову все они немедленно вновь свернулись кольцами на полу, не сводя глаз с Королевской Кобры и Мэри Поппинс.

А Кобра повернула к Джейн и Майклу свою крошечную высохшую головку.

Мурашки побежали по телу у ребят, и они невольно сделали шаг вперёд — странный, глубокий взгляд Кобры, казалось, притягивал их. Сонно и темно глядели

её узкие, длинные зрачки, и в глубине этой сонной темноты таился и вспыхивал, как драгоценный камень, незасыпающий огонёк...

—Кто они, смею спросить?— сказала Кобра своим нежным голосом, от которого кровь стыла в жилах, испытующе глядя на ребят.

—Джейн и Майкл Бэнкс, к вашим услугам,— ответил Бурый Медведь, слегка заикаясь, словно ему было страшно. — Её друзья.

—Ах, её друзья. Тогда добро пожаловать. Садитесь, мои дорогие!

Джейн и Майкл, с трудом придя в себя, оглянулись, разыскивая, куда бы сесть. Медведь помог им: он присел на корточки, и ребята устроились на его мохнатых коленях.

—Она разговаривает, как королева,— шепнула Джейн.

—Так и есть. Она — наша повелительница, самая мудрая и самая грозная,— негромко, с почтением сказал Бурый Медведь.

Кобра улыбнулась долгой, неспешной, таинственной улыбкой и обратилась к Мэри Поппинс.

—Кузина,— начала она, нежно зашипев.

—А она правда её кузина?— шепнул Майкл.

—Троюродная сестра. Со стороны матери,— шепнул в ответ Бурый Медведь, прикрыв пасть лапой.— А сейчас помолчи. Она собирается вручать подарок.

—Кузина,— повторила Кобра,— давно уже твой День Рождения не выпадал на полнолуние, и давно уже мы не праздновали его так, как сегодня. Посему у меня было время как следует обдумать вопрос о подарке. И я решила,— она сделала паузу, и во всём Террариуме не было слышно ни звука, потому что все затаили дыхание,— я решила, что лучше всего будет преподнести тебе мою кожу.

—Право, кузина, вы слишком добры,— начала было Мэри Поппинс.

Но Кобра знаком попросила её замолчать.

—Ничего подобного. Ничего подобного. Ты знаешь, что я время от времени меняю кожу: одной больше, одной меньше — для меня не имеет значения. Разве я не...— Кобра сделала паузу и обвела взглядом присутствующих.

—Владычица Джунглей!— прошипели все змеи хором, словно и вопрос и ответ были частью хорошо известного им церемониала.

Кобра кивнула.

—Итак,— сказала она,— то, что хорошо для меня, должно быть хорошо и для тебя. Это, конечно, скромный подарок, дорогая Мэри, но из него можно сделать поясок, или пару туфель, или хотя бы ленту для шляпки — словом, он может пригодиться.

С этими словами она начала тихонько покачиваться из стороны в сторону — Джейн и Майклу показалось, что по всему её телу от головы до хвоста побежали маленькие волны.

И вдруг она сделала молниеносный винтообразный скачок и появилась в новом, отливающим серебром наряде. Старая золотистая кожа упала на пол.

—Подожди!— приказала Кобра Мэри Поппинс, которая наклонилась было, чтобы поднять кожу.— Я напишу на ней Поздравление.

Кончик хвоста Кобры быстро-быстро пробежал по сброшенной коже; затем она аккуратно свернула её кольцом, подхватила на голову, словно золотую корону, и величаво подала её Мэри Поппинс. Та с поклоном приняла дар.

—Не знаю, как тебя благодарить,— начала Мэри и запнулась, залюбовавшись подарком, и только с восхищением погладила кожу рукой. Видно было, что она в восторге.

—Не благодари,— сказала Королевская Кобра.— Тс-с!— перебила она сама себя и раздула свой клубок, словно прислушиваясь.— Кажется, я слышу сигнал к Большому Хороводу.

Все прислушались.

Звенел колокольчик, и чей-то бас возглашал, всё приближаясь и приближаясь:

—Хоровод, Хоровод! Спешите, спешите! Всех, всех просят пройти на Центральную площадь! Хоровод, Хоровод!

—Так я и думала,— сказала Кобра, улыбаясь.— Тебе пора, дорогая. Не заставляй их ждать. Прощай — до твоих следующих именин!

И Королевская Кобра вновь приподнялась и нежно расцеловала Мэри Поппинс в обе щеки.

—Спешите!— сказала она.— Я позабочусь о твоих юных друзьях.

Ребята встали и начали пробираться к выходу, стараясь не наступить на змей, которые целым потоком, клубясь и извиваясь, устремились к дверям.

—Вы свободны,— сказала Королевская Кобра Бурому Медведю.

И он, низко поклонившись, с фуражкой в лапе, затрусил туда же, куда несся весь поток животных — к большой зелёной площадке в самом центре Зоопарка.

—Хотите пойти со мной?— ласково спросила Кобра и, не дожидаясь ответа, скользнула между Джейн и Майклом, движением своего клобука приказав им идти по бокам.

—Началоссь!— сказала она, зашипев от удовольствия.

Да, Большой Хоровод начался.

На Лужайке стоял такой шум и крик, что ребята сразу поняли это. Львы и Леопарды, Верблюды и Бобры, Антилопы и Журавли и многое множество других зверей и птиц пели и орали во всё горло, образовав кольцо вокруг Мэри' Поппинс. И вот громадный Хоровод двинулся по кругу; танцоры кто во что горазд распевали Дикую песню Джунглей, раскачиваясь и поминутно меняясь местами и партнёрами.

Чей-то тоненький-тоненький, писклявый голосок прорезался сквозь шум и гам:

О Мэри, Мэри-и,

Всех лучше в мире!

И ребята увидели Пингвина, который нёсся в танце, размахивая своими коротенькими крыльями и весело распевая эту странную песню. Он тоже заметил ребят и, поклонившись Кобре, крикнул:

—Получилось! Слышали, как я пою? Конечно, это небезупречно — «В мире» не совсем точная рифма к «Мэри», но ничего, годится! Сойдёт!— И он, подпрыгнув, подхватил под лапу Леопарда.

Кобра молчала. Джейн и Майкл тоже молча любовались танцем. Но когда их приятель Лев пронёсся мимо и наклонился, чтобы предложить лапу Фазану, Джейн робко попыталась выразить свои чувства словами.

—Я думала, сударыня...— И она запнулась, сконфузившись.

—Говори, дитя моё,— сказала Кобра.— Что ты думала?

Ну, что львы, и птицы, и тигры, и маленькие животные — все...— Джейн снова запнулась.

Кобра пришла ей на помощь:

—Ты думала, что все они — враги, что Лев должен обязательно съесть Антилопу, а Тигр — Зайца, раз они встретились?

Джейн, покраснев, кивнула.

—Что ж, в общем, ты права. Отчасти так. Но — не в День Рождения,— сказала Кобра.— Сегодня слабые не боятся сильных, большие защищают малых. Даже я,— Кобра сделала паузу и, казалось, глубоко задумалась,— даже я могу сегодня встретиться с Диким Гусем и не подумать об обеде. Такой это день. И, возможно,— продолжала она, молниеносно облизываясь своим страшным раздвоенным языком,— возможно, что есть и быть съеденным — в конце концов, одно и то же. Моя мудрость говорит мне, что это так. Вспомни: ведь все — и вы в городах, и мы в джунглях — сделаны из одного и того же вещества. Из того же материала — и дерево над нами, и камень под нами; зверь, птица, звезда — все

мы одно и идём к одной цели. Помни это, дитя, когда ты уже не будешь помнить обо мне.

—Как же это дерево может быть камнем? Я — не птица! Джейн — не тигр!— упрямо сказал Майкл.

—Ты думаешь?— переспросила Кобра.— Погляди!— И она кивнула головой в сторону Большого Хоровода.

Звери и птицы, тесной толпой окружившие Мэри Поппинс, раскачивались взад и вперёд все вместе, как единое целое; сама Мэри тоже покачивалась из стороны в сторону. В едином ритме раскачивалась вся огромная толпа, как маятник гигантских часов. Даже деревья то сгибались, то выпрямлялись в ритме танца, и луна в небесах покачивалась, словно корабль на волнах...

—Зверь и птица, звезда и камень — все мы одно, все одно...— бормотала Кобра, опустив свой клобук и тоже раскачиваясь.— Змея и ребёнок, камень и звезда — все мы одно...

Всё тише становилось её шипение. Замирали, слабели, отдалялись крики танцующих животных. Прислушиваясь, Джейн и Майкл тоже незаметно стали раскачиваться. Или это кто-то качал их?

Мягкий, слабый свет упал на их лица.

—Спят и видят сны,— шёпотом произнёс чей-то голос.

Кто это — Королевская Кобра или мама, которая, как обычно, зашла в детскую, чтобы получше их укрыть на ночь?

—И прекрасно! Пусть спят.

Чей это был бас — Бурого Медведя или мистера Бэнкса? Джейн и Майкл качались... качались... Они не знали... Не знали...

—Какой мне сегодня странный сон приснился!— сказала Джейн за завтраком, посыпая сахаром кашу.— Мне снилось, как будто мы были в Зоопарке, и у Мэри

Поппинс был день рождения, и вместо зверей в клетках сидели люди, а все звери были на воле...

—Это же мой сон! Он мне приснился!— сказал Майкл с удивлением.

—Не могло же нам присниться одно и то же!— сказала Джейн.— А ты не ошибся? Ты видел, например, Льва с завитой гривой, и Тюленя, который хотел...

—... чтобы мы нырнули за апельсиновой коркой?— перебил её Майкл.— Конечно, помню! И ребят в клетке, и Пингвина, который не мог сочинить стишок, и Королевскую Кобру.

—Тогда, значит, это был не сон!— сказала Джейн торжественно.— Значит, это всё правда! И тогда...

Она несмело оглянулась на Мэри Поппинс, которая кипятила молоко.

—Мэри Поппинс,— сказала Джейн,— могли мы с Майклом видеть один и тот же сон?

—Тоже мне сновидцы!— фыркнула Мэри Поппинс.— Ешьте кашу, будьте любезны! Иначе не получите гренков с маслом!

Но Джейн не сдавалась. Она должна была узнать.

—Мэри Поппинс,— сказала она, глядя на неё в упор,— вы были в Зоопарке вчера ночью?

Мэри Поппинс широко открыла рот.

—В Зоопарке? Ночью? Я — в Зоопарке? Я, воспитанная девица, которая знает, что полагается, а что — нет?

—Нет, вы были там или нет?— настаивала Джейн.

—Конечно, нет! Что это тебе в голову взбрело!— сказала Мэри Поппинс.— Доедай, будь добра, кашу и не болтай глупостей!

Джейн подлила в кашу молока.

—Ну, видно, всё-таки это был сон,— сказала она грустно.

Но Майкл, разинув рот, таращил глаза на Мэри Поппинс, которая поджаривала гренки.

—Джейн,— пронзительно шепнул он.— Джейн, гляди!

Он показал пальцем, куда глядеть, и Джейн тоже увидела. Талию Мэри обвивал пояс из золотистой чешуйчатой змеиной кожи, а по всей его длине змеилась изящная надпись:

На добрую память о Зоопарке!

Глава восьмая. Западный ветер

Был первый день весны.

Джейн и Майкл сразу это поняли, потому что они услышали, как папа поёт в ванной, а был только один-единственный день в году, когда он там пел.

Это утро они запомнили навсегда. Во-первых, потому, что им впервые разрешили позавтракать со взрослыми; во-вторых, папа потерял свой чёрный портфель. Так что день начался двумя чрезвычайными происшествиями.

—Где мой портфель?— кричал мистер Бэнкс, бегая кругами по прихожей, словно собака, которая ловит собственный хвост.

И все остальные начали тоже бегать по кругу — Элин, и миссис Брилл, и ребята. Даже Робертсон Эй сделал два круга, что было исключительным достижением.

Наконец мистер Бэнкс лично обнаружил пропажу в своём кабинете и выбежал в прихожую, размахивая портфелем.

—Мой портфель,— начал он тоном проповедника,— всегда находится в одном и том же месте. Здесь. На вешалке. Кто затащил его в кабинет?— проревел он.

—Ты сам, дорогой, вчера вечером, когда ты доставал налоговые квитанции,— сказала миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс посмотрел на неё так обиженно, что она в душе пожалела о своей нетактичности. Лучше было сказать, что это она сама принесла портфель в кабинет!

—Ааап-чххи! Хрррм!— сказал мистер Бэнкс в носовой платок.

Он снял пальто с вешалки и направился к двери.

—Ого!— произнёс он несколько веселее.— Тюльпаны-то дали бутоны!

Он вышел в садик и втянул в себя воздух.

—Гм, ветер, кажется, западный.— Мистер Бэнкс бросил взгляд на дом Адмирала Бума, точнее — на флюгер-телескоп.— Так я и думал,— сказал он.— Западный ветер. Ясно и тепло. Пойду без пальто.

Он нахлобучил котелок, схватил свой портфель и устремился в Сити.

—Ты слышала, что он сказал?— Майкл схватил Джейн за руку.

Она кивнула.

—Ветер западный,— ответила она негромко.

Они больше ничего не сказали, но каждому пришла в голову одна и та же мысль. О, как бы им хотелось, чтобы она не приходила!

Правда, они скоро позабыли о ней. Ведь, казалось, всё шло как всегда. Весеннее солнце так радостно освещало дом; никто и не вспоминал о том, что он нуждается в покраске и в новых обоях. Наоборот, все его обитатели думали, что это, конечно, самый лучший дом во всём Вишнёвом переулке.

Но уже после второго завтрака появились предвестники беды.

Джейн помогала Робертсону Эй в саду. Она как раз посадила последнюю редиску, когда из детской донёсся страшный шум. На лестнице послышался топот, и в сад примчался Майкл, весь красный и запыхавшийся.

—Джейн, посмотри, посмотри!— крикнул он и протянул к ней руку.

На его ладошке лежал компас — компас Мэри Поппинс. Стрелка отчаянно трепыхалась, потому что компас трясся в дрожащей руке Майкла.

—Её компас?— сказала Джейн и вопросительно посмотрела на Майкла.

Майкл неожиданно разревелся.

—Она отдала его мне,— всхлипывал он.— Она сказала, что он теперь мой, насовсем. Ой, ой, это очень плохо! Что будет? Ведь она раньше никогда мне ничего не дарила!

—Ну, может быть, она просто хотела тебя порадовать,— сказала Джейн, чтобы утешить брата. Но в душе она была так же встревожена, как и Майкл. Она отлично знала, что Мэри Поппинс не признаёт никаких нежностей.

А между тем, как ни странно, за весь этот день Мэри Поппинс не сказала ни единого сердитого слова. Правда, она вообще почти ничего не говорила. Казалось, она о чём-то глубоко задумалась, и, когда ребята задавали ей вопросы, она отвечала на них с отсутствующим видом.

Наконец Майкл не выдержал.

—Ну пожалуйста, Мэри Поппинс, рассердитесь! Рассердитесь опять! Вы сами на себя не похожи! Я так боюсь!

Ему было действительно не по себе. Он чувствовал: что-то должно случиться в Доме Номер Семнадцать по Вишнёвому переулку. А что — он не знал, и от этого ему было ещё хуже...

—Не буди лиха, пока оно спит!— отрезала Мэри Поппинс своим обычным сердитым тоном.

И ему немедленно стало легче.

—Может, это просто так?— сказал он Джейн.— Может быть, всё в порядке и мы всё сами придумали? А, Джейн?

—Наверно,— подумав, сказала Джейн. Но на душе у неё была тяжесть, и она не могла отогнать всё ту же мысль...

К вечеру ветер усилился. Он порывами свистел в трубах, врвался в щели под окнами, заворачивал уголки ковра в детской.

Мэри Поппинс накормила ребят ужином и убрала со стола — очень тщательно и аккуратно. Потом она подмела, вытерла пыль и поставила чайник на плиту.

—Ну, так,— сказала она, осмотрев комнату и убедившись, что всё в безупречном порядке. Она помолчала с минуту. Потом положила руку на голову Майкла, другую — на плечо Джейн.

—А теперь,— сказала она,— я пойду отнесу туфли вниз. Робертсон Эй их почистит. Ведите себя как следует до моего возвращения.

Она вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

И, едва она вышла, ребята вдруг почувствовали, что им надо бежать за ней. Но что-то удержало их. Они продолжали сидеть без движения, поставив локти на стол, и ждали её возвращения. Им так хотелось утешить друг друга!

—Какие мы глупые,— проговорила Джейн.— Ничего же не случилось!

Но она сама не верила в то, что говорила.

Часы на каминной полке громко тикали. Пламя в камине вспыхнуло, затрещало и тихо угасло. Ребята всё ещё сидели и ждали.

Наконец Майкл встревоженно сказал:

—Она что-то очень долго не возвращается, а?

За стеной, словно в ответ, свистнул и заплакал ветер. Часы продолжали торжественно, громко тикать. Вдруг хлопнула входная дверь.

—Майкл!— вскочила Джейн.

—Джейн!— откликнулся Майкл, побледнев.

Ребята кинулись к окну и выглянули наружу.

Внизу на крыльце стояла Мэри Поппинс, в пальто и шляпе, с ковровой сумкой в одной руке и зонтиком — в другой. Вокруг неё свирепствовал ветер. Он рвал её юбку, сбил ей шляпку набекрень. Но она, казалось, не обращала на это внимания. Она улыбалась, словно они с ветром прекрасно понимали друг друга.

Постояв минутку на ступеньках, она оглянулась на дверь, а потом быстрым движением раскрыла зонтик, хотя дождя не было, и подняла его над головой.

И ветер подхватил её и понёс!

Понёс сперва над самой землёй, так что носки её туфель касались травы в саду, потом перенёс через ограду, и вот она уже взлетела к самым верхушкам вишен в переулке...

—Джейн! Она улетает, улетает!— всхлипывал Майкл.

—Скорей!— крикнула Джейн.— Возьмём Близнецов. Пусть поглядят на неё на прощанье.

Ни у неё, ни у Майкла уже не осталось сомнений: Мэри Поппинс ушла навсегда, потому что ветер переменялся.

Они схватили Близнецов и подбежали к окну.

Мэри Поппинс была уже высоко-высоко. Она парила где-то над крышами домов, крепко держась за зонтик одной рукой, а в другой держа ковровую сумку.

Близнецы тихонько заплакали.

Джейн и Майкл сделали последнюю попытку остановить полёт Мэри Поппинс.

С трудом — ведь руки у них были заняты — они распахнули окно.

—Мэри Поппинс!— закричали они изо всех сил.— Вернитесь! Верни-и-тесь!

Но она или не слышала их, или не хотела слышать. Она взлетала всё выше и выше, под самые облака, и скоро наконец ребята уже ничего не могли разглядеть,

кроме туч и качающихся под яростными порывами западного ветра верхушек деревьев...

—Ну что ж, как она сказала — так и сделала. Осталась, пока ветер не переменялся,— сказала Джейн, с тяжёлым вздохом отвернувшись от окна.

Она отнесла Джона в кроватку и уложила. Майкл ничего не сказал, но, укладывая в кроватку Барби, он безутешно всхлипывал.

—Как ты думаешь,— сказала Джейн,— мы ещё когда-нибудь её увидим?

Тут снизу слышались взволнованные голоса.

—Дети, дети!— кричала миссис Бэнкс, открывая дверь.— Дети, я очень расстроена! Мэри Поппинс ушла от нас.

—Да,— сказали Джейн с Майклом.

—Ах, значит, вы знали?— удивилась миссис Бэнкс.— Она вам сказала, что уходит?

Ребята отрицательно покачали головами.

—Это просто неслыханно!— продолжала миссис Бэнкс.— Только что была тут — и вдруг исчезла! Даже не извинилась! Просто заявила: «Я уезжаю» — и упорхнула! Такая бессердечность, такое легкомыслие, такая невежливость... Что такое, Майкл?— сердито прервала она свою речь, потому что Майкл, вцепившись в её юбку, отчаянно теребил её.— Что с тобой, детка?

—Сказала она, что вернётся?— завопил он, чуть не свалив мать с ног.— Скажи, сказала или нет?

—Ты ведёшь себя как дикарь!— сказала мама, высвобождаясь.— Я не помню, что она говорила, кроме того, что уходит. Но я, конечно, не приму её обратно, если она и вернётся. Оставить меня вот так, на мели, без всякой помощи!

—Мама!— сказала Джейн укоризненно.

—Ты очень злая женщина!— выпалил Майкл, сжимая кулаки с таким видом, словно готов был её ударить.

—Дети! Мне стыдно за вас! Очень стыдно! Как вы можете жалеть о том, кто плохо поступил с вашей мамой! Я просто потрясена!

Джейн разразилась слезами.

—Я хочу Мэри Поппинс и больше никого-никого на свете!— объявил, рыдая, Майкл и кинулся на пол.

—Ребята, ребята! Что с вами? Ведите себя прилично, прошу вас! Сегодня за вами некому смотреть. Я уйду в гости, а у Элин выходной день. Придётся попросить миссис Брилл вас уложить!

И она рассеянно поцеловала детей и вышла, озабоченно наморщив лоб...

—Ну и ну! Убежать и бросить бедных крошек на произвол судьбы!— говорила спустя минуту миссис Брилл, влетая в детскую и принимаясь раздевать ребят.— Каменное сердце у этой девчонки, вот что я вам скажу, или я не Клара Брилл! И всегда задирала нос. И не оставила даже платочка или брошки на память! Встаньте, прошу вас, мастер Майкл!— продолжала она, пыхтя.— Прямо не понимаю, как мы её столько терпели — все её капризы и выходки и всё такое! Ох ты, сколько у вас пуговиц, мисс Джейн! Да постойте спокойно, дайте мне вас раздеть, мастер Майкл! Добро бы хороша собой была, а то смотреть не на что! Может, оно и к лучшему, что мы от неё избавились! Ну, мисс Джейн, где ваша ночная рубашка? А что это у вас под подушкой?

Мисс Брилл извлекла маленький аккуратный свёрточек.

—Дайте мне скорей! Что это? Дайте скорей!— закричала Джейн, дрожа от волнения, и выхватила пакетик из рук миссис Брилл.

Майкл немедленно оказался рядом и с нетерпением наблюдал, как она развязывает бечёвку и разрывает обёрточную бумагу. Миссис Брилл, которую содержимое пакетика не интересовало, ушла к Близнецам.

Вот последняя обёртка упала на пол, и в руках у Джейн оказалась картинка.

—Это её портрет!— сказала она шёпотом, поднеся портрет к самым глазам.

Действительно, в маленькой витой рамке было изображение Мэри Поппинс.

Майкл взял картинку в руки, чтобы получше рассмотреть. А Джейн вдруг обнаружила, что к портрету была приложена записка. Она осторожно развернула её и прочитала вслух:

—«Дорогая Джейн, Майкл получил компас, так что портрет — твой. Au revoir! Мэри Поппинс».

Последние перед подписью слова Джейн не смогла прочесть.

—Миссис Брилл,— крикнула она,— что значит «Au revoir»?

—Оривуяр?— переспросила миссис Брилл из соседней комнаты.— Сейчас, сейчас. Это не по-нашему. По-французски, что ли? Погоди-ка. По-моему, это будет «бог с тобой». Нет, нет, ошибка вышла. По-моему, мисс Джейн, это будет «до свидания».

Джейн с Майклом переглянулись. Глаза их сияли. Они поняли, что хотела сказать Мэри Поппинс. Майкл вздохнул долгим вздохом облегчения.

—Всё в п-порядке,— сказал он дрожащим голосом.— Она всегда делает то, что говорит.— Он отвернулся.

—Майкл, ты плачешь?— спросила Джейн.

Майкл дёрнул головой и попытался улыбнуться.

—Нет,— сказал он.— Глаза плачут, а я нет.

Она нежно подтолкнула братишку к постели и, когда он лёг, сунула ему в руку портрет Мэри Поппинс — очень быстро, чтобы не передумать.

—Пусть сегодня он будет у тебя,— шепнула она и заботливо, как Мэри Поппинс, подоткнула его одеяло...